

Александра Эйд

ИНЫЕ
Последние дни "Лета"

18+

Александра Эйд

Последние дни "Лета"

«Автор»

2026

Эйд А.

Последние дни "Лета" / А. Эйд — «Автор», 2026

Мир медленно и неумолимо рушится. В городе появляются мутанты - не живые и не мёртвые. А с их появлением исчез привычный мир. Группа выживших пытается найти место, где можно спрятаться и продолжить жить. Они не спасают планету и не ищут лекарство. Они просто хотят выжить и не потерять друг друга. Но каждый новый день отнимает у них что-то важное: дом, надежду, веру. Это история о том, как группа выживших ищет свой дом в новой реальности.

© Эйд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	40
Глава 6	49

Александра Эйд Последние дни "Лета"

От автора

Иные. Последние дни «Лета».

От автора

Все события, персонажи и организации, описанные в книге, являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, а также с реальными географическими названиями и населёнными пунктами – случайность. Упоминание конкретных географических объектов не является указанием на реально существующие места и не содержит оценки их жителей.

Действие происходит в условиях вымышленной катастрофы, не имеющей аналогов в реальной жизни. Поступки персонажей продиктованы необходимостью выживания в вымышленном мире и не должны восприниматься как одобрение подобных действий в реальной жизни. Автор не одобряет и не призывает к нарушению законодательства. В мирное время описанные действия являются уголовно наказуемыми.

В книге встречаются сцены с упоминанием алкоголя и табачных изделий. Автор напоминает: употребление алкоголя и никотинсодержащих изделий наносит серьёзный вред здоровью и вызывает зависимость. Незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Настоящее произведение является художественным вымыслом и не служит руководством к действию.

Глава 1

Глава 1

Девятого августа солнечный луч пробивался через окно кабинета научного института вирусологии, опускаясь на рабочий стол Анны Соколовой - аспирантки ВУЗа и младшего научного сотрудника. До конца учёбы оставался год. Тогда, сдав все экзамены и защитив диплом, она станет настоящим учёным. За это время ей предстоит написать свою диссертацию под руководством профессора – Антона Геннадьевича Баранова.

Анна, младшая дочь в семье бизнесмена и домохозяйки, стала ученицей Антона Геннадьевича исключительно ввиду своего острого ума и наблюдательности. Когда она была школьницей, Анна тратила много времени на учёбу. Став студенткой, она продолжала корпеть над книгами, чтобы со временем занять место в среде великих учёных, перевернувших мир с ног на голову. Это была её мечта – произвести революционное открытие, сделать что-то, что изменило бы жизнь людей. Девушке хотелось признания, хотелось войти в историю, хотелось, чтобы о ней писали в учебниках и говорили на лекциях молодым студентам... Самоуверенность была одной из главных черт характера аспирантки.

Выбор Анны был непонятен её семье, но принимался родителями. Отец Анны - Александр Иванович Соколов, построил свою империю на строительстве, занимаясь строительством новомодных районов бизнес- или премиум-класса. С самой молодости он тратил силы и время, работая подмастерьем на стройках, пока в один день не взял деньги в банке и не открыл маленькую строительную фирму, тем самым, став начальником собственного бизнеса. Александр Иванович годами работал не покладая рук, занимая всё больше денег у банка, но и в то же время, получая всё больше заказов. И в один день, удача улыбнулась Александру Соколову: его фирма смогла выиграть тендер, после которого открылась дорога к большим заказам и не менее большим деньгам.

Мать Анны, Ольга Николаевна Соколова, была той самой женщиной, которая пожертвовала своей молодостью ради амбиций мужа. Пока он занимался своим детищем – Ольга работала преподавателем, занималась бытом и растила троих детей – сначала близнецов Артёма и Артура, а позже и дочь Анну. Но женщина не чувствовала себя несчастной, наоборот, она преисполнялась гордостью за мужа и считала своим главным предназначением быть хранительницей семейного очага. И когда в один из дней, спустя пятнадцать лет трудов и терпения, Александр сообщил, что жена может уволиться, она долго не раздумывала. Всячески доверяя супругу, Ольга бросила преподавание и стала наслаждаться жизнью, изредка приглядывая за подрастающими детьми: ей оставалось дожидаться, когда они окончат школу, поступят в университеты и выпорхнут из семейного гнезда. Хотя, порой, Ольга Соколова признавалась мужу, что больше всего боится остаться одна в пустой квартире, пока он будет работать.

Старшие братья Анны, близнецы Артём и Артур, не смотря на уговоры отца пойти протоптанной дорожкой и влиться в семейный бизнес, пошли своими путями. Оба парня благополучно закончили университеты и стали инженерами. И только Анна, единственная дочь, ушла в науку за своими великими мечтами. Ольга Николаевна не раз твердила дочери о необходимости создания семьи с каким-нибудь хорошим парнем. Женщина то и дело начинала нравоучения за семейным ужином или в редкие моменты совместных поездок на природу, то и дело представляя, какая жизнь могла бы быть у Анны, если бы не её стремление стать вирусологом. Эти разговоры раздражали девушку, не единожды доводя двух женщин до скандалов на повышенных тонах. И только Артём и Артур решили проблему сестры по-своему: они привели в семью невест. После этого Ольга Николаевна растаяла, стала мягче и почти отстала от родной дочери, переключившись на родившихся в скором времени внуков. Несомненно, Ольга любила

свою дочь и лучшее, что она смогла сделать для неё – поддержала в поступлении в аспирантуру, несмотря на свои убеждения.

В этот день Анна работала над скучными статистическими данными для своей диссертации по теме зоонозных вирусов. Перед ней на мониторе компьютера были выстроены столбцы, а на столе лежали распечатанные статьи и открытые книги. Анна откинулась на спинку стула и едва не потёрла глаза рукой, но вовремя вспомнила о нанесённом с утра макияже. Монитор с самого утра светил ей в глаза, и теперь, чувствуя усталость, аспирантка перевела взгляд на настенные часы: шестнадцать часов. Время близилось к концу рабочего дня. Анна, недолго подумав, закрыла вкладки на компьютере, а затем принялась за сбор бумаг со стола. Её мечты стать выдающимся учёным сталкивались с одной проблемой – девушка ненавидела работать с теорией. Проведя большую часть своей жизни за учебниками и конспектами, Анна не могла дождаться момента, когда бумажная волокита будет закончена и она сможет заниматься настоящими исследованиями.

Её ритуал по наведению порядка в кабинете, который она делила с другим аспирантом, был прерван стуком и тут же – скрипом открывающейся двери. Анна повернула голову на звук, надеясь, что это не профессор Баранов пришёл навестить её и, увидев вошедшего, расслаблено улыбнулась. На пороге показался ученый НИИ, Дмитрий Макаров, высокий полный мужчина с очками в толстой оправе на переносице. Макаров когда-то был таким же аспирантом, как и Анна, и так же писал диссертацию под руководством профессора Баранова. Уж кто-кто, а Дмитрий лучше всех понимал Анну. Он был старше её на десять лет, а в душе всё так же оставался амбициозным исследователем, стремившимся найти истину.

Макаров зашёл внутрь, не дожидаясь приглашения. Он грузно сел на стул, от чего мебель закричала, и молча протянул бумаги Анне. Несмотря на отсутствие желания преподавать, он всегда показывал ей интересные моменты их работы, воспринимая её не как аспирантку, а как равноправную коллегу. Дмитрий восхищался молодой учёной, которая имела точную цель и не прибегала ни к каким возможностям, кроме своих собственных.

— Взгляни, — он передал ей бумаги. — Что думаешь?

— Что это? — голос Анны был мягким.

Анна взяла бумаги и, не задерживаясь взглядом, пролиставала их. Это были обычные анализы крови, сопровождаемые письменными комментариями коллеги. Если бы Анна постаралась вчитаться в кривой почерк Дмитрия, у неё не возникло бы вопросов, но будучи очень самоуверенной, девушка проигнорировала пометки, предполагая, что сама обо всём догадается. Дмитрий подождал, пока она всмотрится в цифры, но Анна непонимающе посмотрела на него.

— Это анализы крови трёх людей, — Дмитрий провёл толстым пальцем по листам, указывая Анне, на что обратить внимание. — Все трое поступили в городскую больницу №1 укушенными уличными собаками. Гражданам обработали раны, поставили антирабические вакцины и взяли анализы крови. По протоколу, так сказать... Лаборатория в больнице провела исследования, а затем прислала результаты нам. Всмотрись в цифры, — подсказал он девушке.

Анна еще раз посмотрела на бумаги, следуя указаниям Дмитрия. Сначала ничего не привлекло её внимания, но чем дольше она смотрела, тем больше замечала ненормально огромные значения в анализах первого пациента.

— Лейкоциты двадцать пять тысяч, с нейтрофильным сдвигом... Это сепсис, — утвердительно произнесла девушка.

— Дальше смотри.

— Тромбоциты – шестьсот тысяч. Подожди, но ведь, это должно привести к массовой тромбоэмболии.

— А как тебе креатинкиназа? Пять тысяч, — усмехнулся Макаров, а позже напомнил Анне: — Это фермент, выходящий в кровь при массивном повреждении мышц. Остальные показатели в норме, или слегка завышены, что подходит картине воспаления.

Анна посмотрела анализы двух других людей, на этот раз ещё внимательнее. Картина была такая же: завышенные цифры некоторых показателей, при нормальных цифрах других. Она знала все эти показатели по отдельности, но не в таком сочетании. А уж сами цифры были не просто завышены и даже, не катастрофически завышенными... Они были не совместимы с жизнью. Она растерянно сверяла столбцы, а Макаров тем временем продолжал рассказывать:

— Это анализы трёх разных людей, укушенных разными собаками в разных частях города. Лаборатория прислала анализы нам, потому что показатели не совпадают с клиникой: у пациентов лишь лёгкое недомогание и локальное повышение температуры, характерное воспалению в области укуса, но других признаков воспаления нет, а в анамнезе нет других заболеваний. Пациентам ввели сыворотку, но выписать их из больницы не могут из-за таких результатов.

— Ну да, если верить бумагам, эти пациенты вот-вот умрут. Слушай, а ты показывал это Антону Геннадьевичу? — пробормотала Анна и подняла на него взгляд.

Она понимала, что ситуация совершенно не обычная. Анна даже подумала о том, что в лаборатории, возможно, ошиблись, произошёл сбой компьютера или лаборант, вносящий данные, мог перепутать показатели, но зная Дмитрия, девушка была уверена, что он уже отправил запрос на перепроверку высылаемых документов.

— Ещё нет. Я шёл к нему, но решил по пути показать тебе. Просто так, — добавил Дмитрий, заметив недоумённый взгляд Анны.

С этими словами Дмитрий поднялся на ноги. Ему было тяжело, и сейчас он снова отметил, что было бы неплохо заняться своим здоровьем. Анна последовала за ним, на ходу протягивая бумаги обратно мужчине. Коллеги вышли из кабинета, и беседа о странных анализах, направились по коридору.

Спустя пару минут, они вошли в кабинет Антона Геннадьевича Баранова. Дмитрий и Анна застали профессора в тот момент, когда он пытался открыть на телефоне какой-то документ. Профессор, мужчина лет шестидесяти, с редкими волосами на блестящей лысине и с морщинистым лицом, щурился, пытаясь попасть пальцем на маленький крестик, чтобы закрыть рекламу, всплывшую при попытке зайти в приложение.

— Дима, помоги мне, — недовольно пробурчал Антон Геннадьевич, устало протирая глаза. — Открой документ, будь добр. Из столицы прислали что-то, а я даже посмотреть не могу.

Дмитрий взял телефон профессора, и стал закрывать ненужные приложения, перегружающие его телефон.

— Так давайте я вам на компьютере открою документ? — предложил Дмитрий, не отрываясь от своего дела.

Профессор махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

— Не надо. Мне так, ознакомиться. А вы оба, кстати, чего пришли? — только сейчас он заметил Анну, стоявшую в дверях.

— Вот, взгляните, — Дмитрий положил документы на стол и продолжил тыкать пальцем по экрану телефона. — Это анализы тех, укушенных, по поводу которых утром звонили из больницы. Я вам говорил.

Антон Геннадьевич водрузил на переносицу очки и принялся читать анализы. Он делал это совершенно бесшумно, застыв, только его руки двигались, переставляя бумаги по порядку. Дмитрий тем временем открыл документ, и не всматриваясь в экран, чтобы не увидеть информацию из столицы, положил телефон на стол. Мужчина остался стоять, рассматривая себя в белом халате в отражении стеклянных дверок шкафа. Спустя пару минут Антон Геннадьевич

наконец цокнул языком, и сняв очки, посмотрел на Макарова, который всё так же любовался собой.

— Ну да, интересно... Это мне кое-что напоминает.

Дмитрий и Анна задержали дыхание. Профессор был настоящим специалистом своего дела, и он сразу вспомнил очередной клинический случай из его практики.

— «Ашка»... Да, так его называют. От латинской буквы «Н», — Антон Геннадьевич потёр пальцами подбородок, и снова опустил взгляд в бумаги. — Пятнадцать лет назад, помните, была пандемия? Вы ещё детьми, наверное, были. Считается, что тогда переболел каждый человек. Обычные признаки гриппа, но противовирусные препараты не помогали, а болезнь сама прошла. Тогда тоже по анализам крови были повышены лейкоциты с нейтрофильным сдвигом, тромбоциты и креатинкиназа. Правда, показатели были не такие дикие, а спокойнее.

— Да, я помню, — Дмитрий согласился. — Я в то время как раз поступал в университет и тоже болел гриппом. Но сейчас это анализы людей, укушенных собаками. И клиники гриппа у них нет, ну, если верить сообщениям от врачей больницы.

— А с чего бы нам им не верить? — удивился профессор. — Я говорю, что анализы крови схожи, но я не утверждаю, что это одно и то же. Нужно образцы отправить на дальнейшее исследование, держать связь с больницей... Дмитрий, займись этим, а я скоро присоединюсь к тебе. А вы, Анна Александровна, занимайтесь диссертацией.

На следующий день Анна продолжила свою работу. Профессор Баранов требовал, что бы она скорее написала диссертацию и приступила к редактуре. Он понимал, что времени до защиты ещё много, но могут возникнуть непредвиденные обстоятельства: смена задач института, или Анна Александровна уйдёт на больничный, или сам он уедет в отпуск... А впереди ещё много конференций, рутинная работа НИИ, учёба Анны в университете, а ещё и эти новые анализы... В общем, Антон Геннадьевич заставлял пользоваться имеющимся временем и работать над диссертацией, пока была возможность. Хотя сама Анна хотела участвовать в настоящих исследованиях, а не готовить работу по учебникам.

Анна, оставшись в кабинете, запрокинула голову на подголовник кресла и взяла в руки телефон. Работа работой, но диссертация никуда не денется. Девушка уже начинала ненавидеть эту диссертацию и вообще последний год обучения, и только желание скорее всё это закончить заставляло её появляться в институте. Анна лениво листала новостную ленту, бегло читая о каких-то локальных мировых конфликтах и местных новостях их города, когда дверь резко открылась. Дверное полотно влетело в стену и Анна, от испуга, подскочила в кресле, чуть не уронив телефон. Так в НИИ только профессор Баранов мог себе позволить заходить в кабинеты подчинённых.

— Анна Александровна, — скрипучий голос Баранова вырвал её из испуга, — там собак привезли. Тех, что вчера покусали пациентов. Сегодня они снова напали на людей.

Тон профессора Баранова был воодушевлённым: не то от предстоящих исследований, не то от того, что собак поймали и людям ничего больше не грозит.

— Ого-о! — только и протянула Анна.

— Там лаборанты животных готовят, будут забор крови выполнять. Помогите Макарову с изучением.

— Да, конечно! — с этими словами Анна тут же поднялась с рабочего кресла.

Она застегнула халат и сунув телефон в карман, направилась на выход из кабинета. Мысли её тут же погрузились в то, что вот уж сейчас они точно займутся настоящей работой. Она поравнялась с профессором как раз в тот момент, как он ей сказал:

— Как вижу, вы сейчас не работаете. Идите, Анна Александровна.

Анна отметила про себя, что это было странно. Если профессор разрешил ей отложить диссертацию, значит появились дела важнее или интереснее. Да и сам профессор был воодушевлён не меньше её. Казалось, что дай ему возможность – он лично ловил бы животных, лишь бы привезти их в лабораторию.

Спустя время, Анна стояла рядом с Макаровым, и они, облачённые в белые защитные костюмы, осматривали пробирки с кровью собак: алая жидкость перетекала по стенкам пробирки, когда они медленно качали стекляшки из стороны в сторону, окрашивая стёкла в ярко-красный цвет. Собаки, сидящие в клетках, были спокойны. Они не лаяли и не были агрессивны, наоборот, будто уставшие, они сидели, приоткрыв пасти и пуская слюни. Животные были вялыми, и даже когда им надевали намордники, они не сопротивлялись. Правда, одна из собак попыталась укусить лаборанта, но попытка была неудачной из-за медлительности животного. Анна любила животных и сейчас с сожалением посмотрела на собак. Это были обычные уличные дворняги с бирками в ушах – две рыжие и одна грязно-белая. Десятки таких же живут в каждом городе.

Через некоторое время учёные получили результаты этих анализов: в этой крови был такой же лейкоцитоз, но не было повышения тромбоцитов и креатинкиназы. Анна и Дмитрий сидели в лаборатории, в окружении микроскопов, то и дело вглядываясь в окуляры и делая пометки в бумагах.

— То есть, собачьи организмы борются с инфекцией, но их кровь не становится густой и мышцы не разрушаются? — уточнила Анна у Дмитрия, после чего вместо ответа получила утвердительный кивок головой.

Анна вывела на экран телевизора изображение с камеры, направленной на клетки. Внешний вид собак выдавал в них болезненность: они лежали, их помутнённый взгляд был направлен на людей, а из пасти вытекали слюни, собираясь в лужицы. Собаки не пили воду, заботливо расставленную лаборантами.

— Очень странно, — заключил Макаров, складывая пробирки в подставку. — У людей показатели крови хуже, но нет клиники, а у собак анализы крови лучше, но есть клиника заболевания.

— Почему ты сравниваешь анализы людей и собак? — удивилась Анна, откладывая ручку в сторону.

— Это те самые собаки, которые укусили людей, — ответил Дмитрий. — Если это вирусное заболевание, то теоретически, они передали вирус через укус.

— Но ведь «Ашка», это антропоноз, передавался только между людьми.

Дмитрий нахмурил брови. Он подвинул подставку с пробирками к краю стола, затем поднялся на ноги и махнул рукой, подзывая Анну к выходу.

— Во-первых, я сейчас говорю не об «Ашке», а вообще о заболевании, о любом. Во-вторых, если мы вспоминаем ту пандемию, животные были такими же носителями. Это доказано коллегами из Азии, — продолжал рассуждать Дмитрий, когда они покинули лабораторию. — Получается, «Ашка» — это зоонозная инфекция, от животного к человеку! Только тогда течение у животных было бессимптомным. С этим вирусом вообще была странная история: лечение не действовало, сыворотки были созданы, но тоже не действовали. В крови животных вирус нашли, но они были лишь носителями. Болезнь прошла так же, как и появилась — внезапно и быстро.

— И что будет дальше? — спросила Анна, подразумевая нынешнюю проблему.

— Я попытаюсь заразить мышей. Посмотрим, что будет.

Они перешли в соседнее помещение, где Макаров стал готовить лабораторных грызунов для исследования. Анна недолго постояла рядом, наблюдая, как Дмитрий отсчитывает мышей, а затем ушла, оставив учёного одного. Тем временем, Дмитрий уже приступил к работе, напе-

вая себе под нос незатейливую мелодию. После этого, он поставил камеру, передающую изображение на его телефон, прямо перед клеткой, чтобы в реальном времени наблюдать за грызунами, не находясь рядом с ними.

В этот же момент, этажом выше, профессор Баранов созвонился со своим другом Владимиром Андреевым. Когда-то они вместе учились в институте, и хоть друзьями не были, но приятельствовали. По началу они начинали работать в одном кабинете, но вскоре профессор Андреев пошёл вверх по карьерной лестнице. Сейчас он работал в столице в главном научном центре, занимающимся вопросами молекулярной вирусологии, где изучался геном организма и влияние вирусов на него.

Антон Геннадьевич сидел за своим столом. Перед ним стояла маленькая чашка кофе и открытая пачка печенья. Он медленно ломал печенье на маленькие кусочки, внимательно слушая своего товарища. Голос в трубке был не таким, как всегда - размеренно-академическим, а сдавленным, даже, немного испуганным.

— Антон, наши анализаторы выдали полную последовательность генома. Мы получили образцы из ближайших регионов. Помимо крови животных, мы исследовали кровь укушенных людей и даже кожу с краев ран.

— И? — профессор Баранов закинул в рот печенье и начал громко хрустеть.

— Не жуй так громко! — возмутился Андреев, а затем продолжил: — В крови животных нет ничего, кроме известных тебе данных. В крови людей тоже всё, как и везде. Но вот в тканях... Мы изучили геном клеток кожи, он изменён. Там встроена «Ашка».

— Как понимать? — Антон Геннадьевич тут же проглотил непрожёванное печенье, от чего в горле запершило.

Он чуть не закашлялся, но быстро сделал глоток кофе, пытаясь не раздражать своего товарища.

— Вот так! — продолжил профессор Андреев. — Вируса нет в плазме крови, но есть в клетках тканей и в клетках крови. Более того, наш доброволец, лаборант, совершенно здоровый и без единого укуса, позволил нам сделать иссечение кожи, и мы изучили ткань: там нет следов активации, но есть «Ашка».

— Это же не законно, — заметил Антон Геннадьевич. — Вы не сможете использовать эти данные в отчётах.

— Это научно, — парировал Владимир. — Действуем из интереса. Вреда всё равно не принесло лаборанту. Так вот, эта «Ашка», канонический штамм, тот, который «ходил» пятнадцать лет назад.

— Он же должен был меняться. И то, как он сохранился?

— Все эти пятнадцать лет «Ашка» была внутри организмов, — продолжал профессор Андреев, не услышав замечание товарища. — Есть предположение, что если вирус живёт в каждой клетке, а получается, что за это время все клетки тела обновились, то он есть и в стволовых, и в половых клетках, — поток слов остановился на секунду, а затем столичный профессор продолжил: — А значит, все кто родились после той пандемии, тоже могут быть носителями «Ашки». Но это так, логичные рассуждения.

— Так если он всегда был, то что же сейчас...

— Предполагаю, он копился, — профессор Андреев его перебил. — Сработал некий эпигенетический триггер и «Ашка» вышла на свободу. Животные не источник... Их метаболизм быстрее, нейроэндокринная система проще. У них у первых порог пройден и имеем что имеем: они вялые, но кусаются. Укусив человека, они запускают механизм активации вируса в другом организме. Исследуйте слюну, там «Ашки» достаточно.

Профессор Баранов окончательно запутался. Он отодвинул чашку в сторону и принялся тереть пальцами подбородок, как делал всегда, когда приходилось думать.

— Подожди, Андреев, объясни конкретно: где, что и как! — профессор Баранов не вытерпел.

— Смотри, вирус «Ашка» пятнадцать лет назад прошёл по всей планете в виде пандемии. В обществе принято считать, что тогда переболел каждый человек, а как позже было доказано – животные тоже были заражены. Та пандемия прошла, так? — профессор Андреев терпеливо пояснял. — Сейчас произошёл какой-то триггер и «Ашка» в слюне животных активировалась. То есть, «Ашка» в теле любого существа, будь то человек, кошка или собака - есть, но она не активирована! А когда происходит укус – «Ашка» активируется.

— Подожди, «Ашка» имела воздушно-капельный путь заражения и абсолютную контагиозность. А сейчас мы говорим о контактном пути распространения, через укус.

— Да, для вируса это не выгодно, — согласился Андреев, понимая к чему клонит Баранов. — Но суть не в заражении, суть в активации изменённого генома! Мы все уже заражены «Ашкой», у всех изменён геном, но не у всех активированы гены, ведущие к заболеванию.

— Подожди-ка, но ведь ты не считаешь, что заболевший человек будет...

— Я этого не знаю. Прошло всего несколько дней с момента, как был выявлен первый пациент с такими анализами крови. А я ещё не говорю о тех, кто укушен домашним питомцем и не обратился за помощью... Или, Антон, мы не знаем, что творится в отдалённых уголках страны. Я просто говорю тебе о том, что такого не должно быть, а оно есть. Мы, так же, как и вы, наблюдаем за пострадавшими.

Здесь профессор Андреев ошибся. Ещё не было распоряжений о том, чтобы установить контроль за укушенными людьми и поэтому профессор Баранов ещё ни разу не видел пострадавших.

— Хорошо, ещё вопрос, — снова спросил профессор. — Если порог у животных пройден, значит, у людей тоже случится самоактивация?

— Я уверен, это вопрос времени. Думаю, мы получим ещё одну волну гриппа, и он будет тяжелее, чем тот, что пятнадцать лет назад, — предположил профессор Андреев, а затем резко решил закончить разговор: — Ладно, Баранов, будем на связи.

— Хорошо. Всего доброго и звони мне.

Андреев положил трубку. Профессор был крайне занятым человеком, а сейчас он и так много времени потратил на разговор. А ещё предстояло созвониться с коллегами из других регионов.

Антон Геннадьевич отложил телефон в сторону и задумался. В голове роились мысли, которые сбивали друг друга и сейчас всё известное и неизвестное учёному спуталось. На каждый свой вопрос Антон Геннадьевич предполагал ответ и решение как проверить свою догадку, но тут же возникали новые вопросы. В конце концов, он не вытерпел, взял листы из принтера и сел за работу: профессор старательно выписывал свои мысли на бумагу. Ещё он не успел сделать все пометки, как в голове возникли новые мысли – кому и что поручить, чтобы собрать картину воедино.

Он и сам не заметил, как за работой провёл несколько часов, а когда посмотрел на время, только и удивился, что жена не позвонила ему ещё полчаса назад. За всё время брака Людмила Аркадьевна, жена профессора, привыкла, что Антон Геннадьевич постоянно задерживается.

Глава 2

Глава 2

Сергей Чернов, двадцатилетний парень, быстро крутил педали своего нового велосипеда, проносясь через жилые дворы спального района в поисках нужного дома. Он бросил взгляд на наручные часы – 14:25. Оставалось пять минут до того, как он должен был выполнить заказ, а иначе получил бы штраф, но нумерация домов в этом дворе сбивала с толку. Сергей в очередной раз объехал по кругу детскую площадку, на которой с визгом носились дети, проехал мимо мусорных баков, распугав стаю голубей, и наконец заметил дом: табличка с адресом на фасаде была скрыта листвой деревьев. Парень подъехал к подъезду, схватил сумку и столкнувшись в дверях с выходящим мужчиной, проскользнул внутрь. Внутри было прохладно, пахло женскими духами и выпечкой из квартиры первого этажа. Сергей быстро оглядел номера квартир и посчитав, резво поднялся на второй этаж по лестнице.

Он нажал на дверной звонок и в квартире послышались шаги, а вскоре раздался и звук поворота ключа в замочной скважине. Спустя секунду дверь открылась. Сергей увидел на пороге недовольную женщину в поношенном домашнем халате и с закрученными волосами в старомодные бигуди. Женщина придирчиво оглядела парня перед собой, не скрывая своего раздражения: её рот искривился в недовольной гримасе, а одна из бровей поднялась вверх, от чего на лбу появилась сеть морщин.

— Чего так долго? — пробурчала она и протянула руку.

Сергей поджал губы. Внезапно возникло желание нагрубить этой женщине, но он вспомнил, что от этого зависит его рейтинг. Он почувствовал, как по спине стекает остывшая капля пота: в подъезде было в разы холоднее, чем на улице. Сергей наклонился, достал из яркой термосумки бумажный пакет из забегаловки и протянул женщине.

— Ваш заказ. Приятного аппетита! — улыбнувшись сказал он, едва сдерживая ответное негодование.

Женщина тут же поставила ногу на порог, веря в старую примету, и взяв пакет, протянула:

— Остыло...

Внезапно негодование отпустило Сергея. Какая разница, что она недовольна, если он видит её в первый, и возможно, в последний раз. Он пожал плечами. В голове крутилась только одна мысль: «Мне не нужен штраф.» и поэтому он промолчал. Ничего не отвечая ей, он подхватил фирменную сумку с логотипом, быстро развернулся к лестнице и начал спускаться. За спиной раздался хлопок закрывающейся двери, который тут же пронёсся эхом по подъезду.

Сергей Чернов был студентом второго курса юридического института, а в эти летние каникулы он работал курьером в доставке еды. Сергей копил деньги, зная, что меньше, чем через месяц будет работать только по выходным. Сэкономленные деньги он планировал потратить в течение года на развлечения и личные покупки. Благо, Сергей жил с родителями, и особых расходов не предвиделось.

Оказавшись на улице, парень сел на велосипед и перед тем, как тронуться, проверил приложение, в котором отображались актуальные заказы, и затем, выбрал подходящий ему по маршруту. Свернув приложение, он увидел подсвечивающиеся сообщения от друзей и одногруппников на экране телефона: «Привет, помнишь, мы говорили про ...», «Смотри какой триндец!», «На выхах встречаемся?». Но читать каждое сообщение времени у Сергея не было, и поэтому, он снова вернулся в приложение доставки еды и закрепив телефон на подставке руля, тронулся в дорогу. Он поехал дальше, с силой опираясь на педали. Только разогнавшись, Сергей чувствовал прохладный ветер в этот жаркий день августа. Ехал вперёд и оставлял мысли позади - мысли о противной тётке, о приближающейся учёбе и о том, что работает он уже неделю без выходных, а ноги каждый вечер противно ноют.

Город жил своей обычной жизнью: до начала учёбы оставалось порядка трёх недель, подростки массово слонялись по дворам, громко гогоча. Дети помладше тоже были увлечены своими делами: мальчишки играли в футбол на дворовом стадионе, а девчонки разложили покрывала неподалёку или рисовали на асфальте. Недалеко от них сидели мамы, неспешно толкающие перед собой коляски. Сергей ехал через дворы, сокращая дорогу, и просто наслаждался этим жарким летним днём как и все те, кто не сидел сейчас в офисе.

Через час Сергей уже был в другом районе – на окраине города. Здесь, в частном секторе, за высокими заборами, стояла гнетущая тишина, нарушаемая только скрипом колёс по гравии. Сергей толкал рядом с собой велосипед. Он боялся оставить свой транспорт на асфальтированной дороге. Велосипед, совершенно новый, с десятью режимами скорости, купленный как раз на заработанные деньги в начале лета, был его единственным имуществом. Сергей катил велосипед рядом и щурился от яркого солнца, а здесь, будто назло, не было ни единого теньчка. Жители частного сектора, в погоне за идеальными газонами за высокими заборами, выкорчевали все деревья, оставив своё жильё под открытым небом.

Сергей нашёл нужный дом, и не успев позвонить, тут же встретился с хозяином – его ожидали. Мужчина в домашней одежде открыл ворота только услышав звук на гравии, молча забрал заказ и, сунув парню в руку купюру, произнёс: «На чай!». Сергей не успел ответить, как калитка захлопнулась и он снова остался один. Парень посмотрел в свою ладонь и ухмыльнулся – «на чай» уже давно никто не оставлял. Сейчас он оживился и даже почувствовал новый прилив сил. По пути сюда он думал о том, чтобы закрыть смену и вернуться домой пораньше, но сейчас, несмотря на зной, Сергей решил, что может поработать ещё несколько часов. Парень потащил велосипед обратно, сжимая в руке мятую купюру, и пытался аккуратно вести транспорт.

Оказавшись на заасфальтированной дороге через минут десять, Сергей снова сел на сидишку, намереваясь поехать обратно в город, но тут же застыл. Дорогу перекрывала стая собак, которых здесь не было, когда он сворачивал на улицу. Пять собак, разных пород, но все крупные, и видно, бездомные, растянулись в шеренгу на горячем асфальте: три из них лежали, высунув языки, одна сидела, уставившись куда-то в сторону, и последняя, покачиваясь, стояла на четырёх лапах. Сергей снял кепку, почесал макушку в задумчивости и снова надел головной убор.

Собак он, в принципе, не боялся. И не раз он уезжал на велосипеде под залиvistый лай. Даже однажды его чуть не укусили, но в тот раз он был быстрее. Но сейчас ему пришлось бы медленно пробираться мимо них – не ехать же животным по хвостам. Парень огляделся по сторонам в поисках палки или чего-нибудь, чем можно было отвлечь дворняг, но поблизости ничего не было.

Пребывая в раздумьях, он рассматривал животных и заметил, что шерсть собак клоцьями висит по бокам. Животные хотели пить – все они расположились, высунув языки, с которых стекала слюна. Им было так тяжело, что они не проявляли никакого интереса к человеку. Только одна собака, рыжая, с облезшей шерстью смотрела в его сторону, но не двигалась вперёд – только легонько качалась из стороны в сторону. Сергею даже стало жаль их, но ничем помочь им он не мог. Но в глубине души проскользнула мысль, что картина его пугает – Сергей ещё никогда не видел таких страшных бездомных собак, которые вели себя так странно.

Сергей уже задумался над тем, чтобы развернуться и пойти прочь, обходя частный сектор по кругу, как с противоположной стороны показался внедорожник. Машина подъехала и остановилась напротив животных, которые даже не шелохнулись на шум. Сергей видел, как водитель недовольно покачал головой, сказал что-то своей спутнице на пассажирском месте, а после нажал на руль – и в тишине раздался противный звук клаксона. Водитель несколько

раз повторил движение и только после третьего раза собаки, даже не повернув головы, лениво поднялись и поплелись вдоль дороги.

Сергей, воспользовавшись моментом, схватился за руль и поехал вдоль забора, ограждаемый от животных машиной, которая тоже двинулась вперёд. Он заметил, что рыжая собака, единственная из пятёрки, обернулась на проезжающего велосипедиста и тихо зарычала. Её верхняя губа поднялась, обнажая ряд острых зубов, из пасти раздался протяжный рык, а на маленькие камешки гравия слетели белые капли вязкой слюны. Уже набирая скорость, когда джип и велосипед разминулись, парень оглянулся и увидел, что теперь все пять собак провожали его взглядом, будто раздумывая, а не попробовать ли им погнаться за велосипедистом. Но ни одна из них не двинулась и даже не залаяла. Уже выезжая из частного сектора, Сергей задумался, что впервые стая не попыталась погнаться за ним – ни ради забавы, ни ради охоты.

В тот же самый день, двенадцатого августа, когда Сергей Чернов мотался по городу возя еду, Николай Оберегов, пятидесятилетний дальнбойщик, возвращался домой из командировки. Он вёл фуру, своего «зверя», из соседней области, куда был направлен фирмой за молочными продуктами. Николай ехал по трассе по направлению к городу, раздумывая о приближающемся отпуске – две недели ничегонеделания перед телевизором. Сейчас его больше всего беспокоило, как бы не сорваться на старые привычки. Когда-то у Николая были проблемы с алкоголем, но после того, как он был уволен, остался перед Новым годом без зарплаты, и прошёл курс лечения от зависимости, он не мог позволить себе снова повторить эту ошибку.

Николай бросил взгляд в зеркало, оценил дорогу, после чего перестроился на соседнюю полосу.

Он уже видел вдалеке на горизонте высотки, стоявшие стеной на окраине города, как вдруг его взгляд, зацепился за увиденное сбоку: по встречной полосе, по той, что вела из города, тянулась вереница машин. Длинная и неторопливая очередь, но тем не менее, машины двигались прочь из города. И это в понедельник, в разгар обычного дня...

— На дачи, что ли, все двинулись? — пробурчал Николай под нос. — С ума сошли, в такую-то жару.

Обычно, в вечер понедельника, встречная полоса пустовала, а сейчас – иномарки, старенькие «жигули», даже пара микроавтобусов. Николай сбавил скорость, и снова бросил взгляд на встречную полосу. Ничего необычного, просто вереница машин, следующих из города.

К восемнадцати часам мужчина заехал на знакомую, пропахшую бензином автобазу, где ему предстояло оставить молочные продукты с завода. Он сдал машину, отнёс накладную сотрудникам автобазы, перебрался несколькими словами с девушкой-диспетчером и подхватив свою дорожную сумку направился к микроавтобусу, на котором развозили водителей по домам. За рулём сидел Максим, подтянутый, спортивного вида мужик, вечный ЗОЖник. Он обычно заряжал всех своим настроением и хорошо рассказанными анекдотами, но сегодня он был притихший. Николай, занимая место в микроавтобусе, заметил, как Максим рассматривает свою повязку на руке.

— Всех собрали? — спросил Максим через несколько минут, оглянул салон с уставшими водителями-дальнбойщиками и кивнув сам себе, завёл микроавтобус. — Поехали.

Машина тронулась и громко тарахтя, выехала с автобазы. Николай прикрыл глаза, наслаждаясь тем, что можно не вести машину. Водить он умел и любил, но порой, так уставал от долгой дороги, что уже не раз задумывался, что может ну её, эту дорогу... Но кроме как водить фуры он особо больше ничего и не умел, а до пенсии было ещё очень далеко.

Из динамиков играла попса, водители общались, дополняя свои рассказы грязными словечками и сальными шутками. Николай особо в разговоре не участвовал, так, иногда смеялся вместе с остальными, но сам ничего не говорил. За окном проносились жилые районы, а мик-

роавтобус время от времени останавливался возле подъездов и выпускал пассажиров. Так они ехали два часа.

— Кота нашего, Лучика, жалко, — вдруг, ни к кому не обращаясь, произнёс Максим, когда в машине осталось три пассажира.

Николай устало посмотрел в зеркало заднего вида и встретившись взглядами с водителем, уточнил:

— Какой Лучик?

Он и вправду не понимал, о чём говорит Максим.

— Кот на автобазе. Рыжий такой, с надорванным ухом, — пояснил Максим. — Мы его все подкармливаем.

Максим замолчал, ожидая вопросов. Ему нужно было знать, интересен ли кому-нибудь разговор.

— А чего жалко его? — тишину прервал другой водитель, которого Николай видел всего несколько раз.

Максим воодушевился. Он завернул в очередной двор, и медленно повёл микроавтобус между припаркованными машинами, пытаясь не задеть их.

— Да захворал наш кот что-то... — ответил Максим, всматриваясь в дорогу. — Был красавец – кот, шёрстка так и блестела, а последние дни она сбилась в клочья и полезла. Лучик стал худеть и даже проплешины по бокам появились.

Он остановил микроавтобус, и один из трёх пассажиров попрощавшись с коллегами, вышел во двор. Как только дверь хлопнула, транспорт снова тронулся.

— Я ему вчера принёс паштет. Хотел подкормить, — продолжил Максим, выворачивая из узкого двора на двуполостную дорогу. — Ел он не охотно, но всё же... Пока он ел, я решил погладить его. А он, зараза такая, цапнул меня за палец, — Максим поднял в воздух руку, показывая указательный палец, на котором была повязка. — До крови прокусил.

— Тебе бы аккуратнее быть, — заметил тот же пассажир. — Лучик то не домашний...

— Не, бешенства у него нет, — ответил Максим. — Девчонки из диспетчерской иногда таскают его к ветеринару. Прививки у него точно есть.

Николай посмотрел за окно. Лучика он видел раньше, но особого трепета не испытывал. Он не был против животных, но они сами сторонились его: каждый раз, когда Николай протягивал руку, собака или кот, отпрянув, отходили в сторону.

Микроавтобус медленно полз по городским улицам. Город был странно спокойным для вечернего часа пик: хоть машин было много, а дороги заполнены, никто не шумел, не было аварий, а в воздухе витало напряжение. Люди вежливо вели себя за рулём – всё, чтобы оканзаться дома без происшествий.

В начале десятого микроавтобус наконец-то подкатил к знакомому фасаду жилого комплекса «Лето». Это был комплекс из двух домов, где один был сине-белым, другой зелёно-белым. Дома были окружены парковкой и отделены от улицы скоплением серых жилых зданий старой постройки. Во дворе было пусто: кроме припаркованных в ряд машин и открытых окон ничто не выдавало наличие людей. Даже дети не шумели. Обычно, в этот час родители только начинали звать детей домой, а те просили их погулять «ещё десять минуточек».

— Спасибо, что подбросил, — сказал Николай и потянулся за своей дорожной сумкой.

— Это моя работа, — бросил Максим. — До встречи!

Николай вышел из транспорта, обернулся и махнул рукой на прощание. Максим в ответ поднял руку, а после завёл машину и снова тронулся в путь. Николай проводил его взглядом, после чего развернулся и направился в подъезд. Оказавшись внутри, лифтом он пользоваться не стал – то ли лень было ждать, то ли решил ещё пройтись. Его шаги гулко отдавались между стен и этот звук был единственным признаком жизни во всём подъезде в этот вечер. Николай

поднялся на третий этаж, подошёл к своей квартире и быстро провернув замок в скважине, шагнул внутрь однокомнатной берлоги.

В квартире пахло пылью – его не было дома несколько дней. Николай щёлкнул выключателем в коридоре, и свет люстры осветил часть его скромной комнаты: диван, телевизор, низкий столик с недопитой бутылкой минералки, которую мужчина забыл на столе. Николай скинул грязную одежду на стул в комнате, и решив принять душ утром, упал лицом на диван. Он тут же почувствовал, как накатывает усталость, мышцы расслабляются, а сознание проваливается в темноту. Перед тем как он уснул, последней мыслью было, что свет в коридоре он не выключил.

Поздним вечером, когда Николай Оберегов спал на третьем этаже жилого комплекса «Лето», а Сергей Чернов в квартире на седьмом этаже этого же подъезда пил чай со своей семьёй, обмениваясь новостями за прошедший день, Яна Полякова вошла в свою квартиру на восьмом этаже и сбросила босоножки в углу коридора. День выдался жарким и тяжелым: сегодня у неё было девять клиенток в салоне «Вечерняя звезда», где она трудилась стилистом. Яна Полякова, молодая девушка, бросившая учёбу в университете из-за необходимости зарабатывать, устало села на пуфик в коридоре.

Она была одинока: в возрасте пяти лет она потеряла родителей – они погибли в автомобильной аварии, а когда Яне было двадцать – её бабушка скончалась от продолжительной болезни. Сейчас, прожив три года в одиночестве, Яна, казалось, привыкла быть одна, но по таким вечерам, как в этот понедельник, она всё чаще задумывалась о том, что нужно что-то с этим делать. Хотя она была красивой девушкой, в личной жизни ничего не складывалось.

Яна поднялась с пуфика и прошла на кухню – в желудке урчало. Она вспомнила, что за день не бросила в рот ни кусочка еды. Яна открыла холодильник и с досадой оглядела полки: три яйца, луковица, рыбные консервы и немного хлеба. Девушка постояла перед пустым холодильником, а потом, вспомнив о пельменях в морозилке, принялась за вечерний ужин. Пока на плите закипала вода, Яна включила ноутбук. Сегодня на работе клиентка посоветовала ей новый нашумевший сериал, пока Яна выпрямляла её завивающиеся волосы. Клиентка, сама того не осознавая, рассказала концовку детектива, но Яне это было безразлично: она предпочитала знать финал историй до того, как они кольнут её в сердце.

В этот вечер, поужинав и просматривая серию за серией, Яна не находила себе места. То и дело ставя серию на паузу, она выходила на балкон и смотрела вдаль. Её интуиция редко подводила: сейчас девушка чувствовала, что впереди что-то грядёт. Она не знала, что это будет, но нутром чувствовала, что хорошего ожидать не стоит. И хоть это было глупо, нагонять панику из-за своих предчувствий, а во всяких гадалок и экстрасенсов Яна не верила, покоя она всё равно не могла найти.

Яна вышла с балкона, оставив дверь открытой настежь и перебралась в комнату – поставила ноутбук на прикроватную тумбочку, легла в постель и листая новостную ленту в телефоне, слушала происходящее на экране в пол-уха. Новости в основном были о том, что там в очередной раз выяснили учёные и как прорвало водоотводящую трубу в одном из домов города, но среди них проскользнуло одно сообщение, которое Яна перечитала несколько раз. В нём говорилось, что где-то в Европе вспышка бешенства среди животных – они покидают леса и выходят в город, нападая на людей. Здесь же, в этом сообщении, было приложено несколько видео, где люди на разных языках то и дело снимали лесных обитателей, которые внезапно бросались на оператора, от чего видео начинало трястись и раздавался треск упавшего телефона, а после ругательства на иностранном языке.

Яна пролистала ленту новостей, а после выключила экран телефона и убрала его в сторону. Она быстро забыла о просмотренных новостях, не акцентируя на них внимания.

Часы показывали за полночь, когда Яна закрыла крышку ноутбука, легла на спину и вытянула ноги. Комната погрузилась в темноту и тишине. Яна слышала своё дыхание, которое вскоре стало поверхностным. Она лежала и чувствовала, как тело расслабляется, как уставшие руки и спина тяжестью тянут вниз, как ноют ступни, а в голове был шум, который больше усыплял, чем мешал.

На улице кто-то пронзительно закричал, оглушая двор своим визгом. Яна только покрепче сжала веки. Что-то определённо надвигалось, но она не могла ничего сделать.

Глава 3

Глава 3

Во вторник утром профессор Баранов собрал всех учёных и аспирантов в конференц-зале. Всего собралось около пятидесяти человек за исключением тех, кто был в отпуске. Воздух гудел от приглушённых разговоров. В числе последних в конференц-зал зашла Анна и она заняла место рядом с другим профессором, пожилой женщиной в старомодном, но аккуратном костюме. В конференц-зале было душно и многие из присутствовавших размахивали перед лицами документами, пытаясь обдуть себя ветерком. То тут, то там люди смотрели в экраны телефонов и время от времени показывали коллегам увиденное.

Спустя несколько минут профессор Баранов прошёл мимо рядов и встал за трибуну. Он был одет в костюм, через расстёгнутый пиджак виднелась мокрая от пота рубашка, но мужчина всё равно оставался в полном облачении. Антон Геннадьевич один раз демонстративно кашлянул в кулак, призывая к тишине, и когда голоса умолкли, он, посмотрев на собравшихся, заговорил:

— Коллеги, прошу прощения что оторвал вас от рабочих дел, но ситуация не ждёт промедления. Только что, буквально десять минут назад, звонили из столицы, — с этими словами он посмотрел на наручные часы, чтобы быть уверенным, что точно прошло десять минут. — Я вообще хотел собрать вас в конце рабочего дня и поговорить о других делах, но сейчас воспользуюсь случаем и сделаю объявление. По новым данным, на эту минуту, в нашем городе сорок два человека обратились за медицинской помощью в связи с укусами, — он сделал паузу и уточнил: — Сорок два человека за трое суток! Похожая ситуация и в других регионах нашей страны. Где-то больше укушенных, где-то меньше. Ситуация схожая: те же показатели анализов крови, те же анамнезы пострадавших и одинаковая клиника. Правда, известно, что в столице уже у нескольких граждан проявились признаки прогрессирования заболевания: температура, озноб, головная боль и вялость.

— Так и что? — выкрикнул один из аспирантов, Арсений.

Его крик вырвался сам собой, сбив речь профессора. Анна, зная Арсения, улыбнулась. Аспирант сделал это не специально, вероятнее всего, он хотел задать этот вопрос коллегам сидящим рядом.

— Смирнов, не забывайся, — Антон Геннадьевич тут же отреагировал. — Получен приказ. Все учёные и аспиранты остаются на местах работы для быстрого реагирования. Наша задача – работать, анализировать, изучать и даже, искать лекарство, если это понадобится.

По конференц-залу пронёсся гул недовольных голосов: что значит «остаются на местах»? Люди осматривались, пытаясь найти поддержку в лицах друг друга.

— Знаю, знаю! — Антон Геннадьевич попытался успокоить людей. — Я сам рассчитывал поехать на выходных на дачу! Но приказ есть приказ. Нам гарантировали двойное денежное содержание за этот период работы. Так же, мы будем обеспечены всем необходимым. Я созвонился с мэром, он уверил нас, что наша столовая будет укомплектована, нам обеспечат раскладушки и матрасы... В общем, всё, чтобы мы были готовы незамедлительно работать с новыми данными. Будем надеяться, что через пару дней всё уляжется.

Эти слова заставили Анну поёжиться. Никогда не было такого, чтобы учёные оставались жить в НИИ. А особенно, в таких ситуациях, когда особо ничего не происходило.

— Что от нас скрывают?! — снова выкрикнул Арсений. — Почему принято такое решение?

— Да! — с Арсением согласился один из учёных, и вскочив с кресла, махнул рукой. — К чему такие меры?

— А если я отказываюсь от двойного содержания? — воскликнула другая женщина. — Я смогу покинуть здание?

Антон Геннадьевич поднял руки в воздух, пытаясь успокоить негодующих коллег. Он пытался призвать к тишине, но люди всё громче восклицали и требовали ответов. Тогда Антон Геннадьевич стукнул кулаком по трибуне.

— Да я и сам ни черта не знаю! — выкрикнул профессор, а затем обернулся к женщине, которая несколькими секундами ранее отказывалась от двойной заработной платы. — Мария Алексеевна, ради всего святого, идите! Только напишите мне письменное объяснение, что вы отказываетесь выполнять приказы начальства, и я не смею вас задерживать. Хочу заметить, под «начальством» я подразумеваю не себя, а «то самое начальство», — профессор поднял указательный палец вверх, давая понять, что речь идёт о тех, кто намного главнее руководителя НИИ. — А теперь, раз уж мы все тут собрались, позвольте поговорить о насущной проблеме... Дмитрий Сергеевич, есть какие-то новости?

Дмитрий Макаров встал со своего места и застёгивая пиджак на большом животе, обратился ко всем, но смотрел на профессора Баранова. Он не смел ударить в грязь лицом перед человеком, которого считал членом своей семьи. А сейчас профессору нужна была его поддержка, учитывая ранее изложенные требования. Хотя его самого возмутило требование «начальства», на которое ссылался профессор.

— Заражённые мыши всё так же слабы, — голос Дмитрия был сдержан, но Анна всё равно слышала, как Дмитрия обуревают желание обсудить странный приказ начальства. — Их состояние можно сравнить с тем, как ведёт себя организм, болеющим гриппом. Я наблюдал около суток за грызунами, но затем, я пересадил заражённую и здоровую особей в одну клетку. Заражённая мышь оставалась неподвижна определённое время. Она даже не передвигалась по клетке, лишь иногда моргала. Здоровая мышь, проявив интерес, приблизилась к заражённой, и тогда заражённая особь укусила здоровую. Это был один укус, точный и быстрый, а затем она снова потеряла интерес, будто выполнила какую-то программу.

— Что сейчас с этими грызунами? — уточнил профессор, смахивая пот со лба.

— Они обе остались в одной клетке. Вторая особь, которую, ранее я называл здоровой, ведёт себя так же, как первая. Показатели крови растут, но ещё не такие же как у остальных заражённых особей, — отчитался Макаров.

— Спасибо, это ценные данные, — Антон Геннадьевич обратился сначала к ученику, а затем к остальным: — Вот такую работу нам придётся вести. Я не настаиваю на том, чтобы вы задерживались, все несогласные могут написать мне объяснительную и уйти домой в конце рабочего дня, а завтра вернуться для продолжения работы.

Люди не отвечали. Каждый из них был погружён в свои мысли. Некоторые уже строчили сообщения своим супругам и отменяли назначенные встречи.

— Кого-нибудь уже выписали из больницы? — спросил кто-то из зала.

Анна проследила за человеком в белом халате, который быстро задал вопрос и тут же сел — она его не знала.

— Насколько мне известно — да, — ответил Антон Геннадьевич. — Люди чувствуют себя хорошо, их выписывают и отправляют домой с рекомендациями явиться в поликлинику. Учитывая количество пострадавших, и то, что их число растёт, больница вынуждена отпускать пациентов под наблюдение поликлиники.

Антон Геннадьевич замолчал, надеясь, что вопросы учёных иссякли.

— Так мы остаёмся жить в институте? — запоздало уточнил аспирант Арсений.

— Это временная мера, — коротко ответил профессор. — Вопросы ещё есть?

По залу раздались очередные перешёптывания. Антон Геннадьевич осмотрел собравшихся и выждав время, убедился, что вопросов больше не будет и быстрым шагом, насколько ему это было позволительно, покинул зал. Предстояло позвонить жене, чтобы объяснить ей,

почему меняются планы, не вдаваясь в рабочие вопросы. И ему нужны были свежие вещи и гигиенические средства хотя бы на несколько дней. Остальные сотрудники последовали его примеру, доставая свои телефоны на ходу. Кто-то вслух ругался, обвиняя руководство и строя теории заговора, кто-то сетовал, что такое решение неправомерно.

Анна позвонила отцу уже заходя в свой кабинет, который она делила с ещё одним аспирантом. Он не пришёл сегодня в институт, а значит, теперь она оставалась в кабинете одна.

— Слушаю, — в трубке послышался властный голос отца.

На заднем фоне были слышна ругань и лязг металла.

Её отец верил, что начальство не должно сидеть в кабинете, а должно контролировать работу «на месте». Он, требуя от своих работников ответственности и исполнительности, сам следовал своим правилам. Уверенный, что без него не справятся или сделают глупость, Александр Иванович, не умеющий делегировать обязанности, часто оставался ночевать в бытовке на стройке или приезжал домой к утру, чтобы подремать и переодеться.

— Пап, это я, — Анна знала, что отец, поднимая трубку, не смотрит кто звонит. — У нас здесь... В общем, я на работе остаюсь. На неопределённое время.

— С чего это вдруг? Эй, ты, да ты, эту приблуду ставь вертикально! — последняя фраза была адресована кому-то из его работников.

— Сказали, приказ такой. Мне нужны вещи.

Анна села за рабочий стол и закинув ногу на ногу, уставилась на свою офисную обувь, раздумывая, чем же заниматься всё это время в НИИ.

— Приказ есть приказ. Вещи завезём, — пообещал отец. — Когда тебя забрать – позвони. А сейчас извини, работаю. Позже позвоню.

Отец Анны не был грубым человеком. Он был всегда занятым, но Анна знала, что сейчас отец отойдёт в сторону от стройки и организует дочери всё что нужно. Она так и видела, как отец сейчас позвонит её матери, властно скажет: «Собери там, что девушкам надо», потом отправит Артура или Артёма доставить вещи. Анна уже рисовала в голове сценки, как её мать качает головой, собирает сумку и высказывает недовольство, как кто-то из братьев передаёт ей вещи на вахте и говорит, что мать ругалась, а потом... А потом Анна останется одна в НИИ, в окружении посторонних людей, где только Дмитрия она могла бы назвать приятелем.

В тот же день, когда сотрудники НИИ приступали к рутинной работе и решали, оставаться ли жить в кабинетах за двойную оплату или вернуться домой, Светлана Морозова и её дочь Лиза отправились на местный рынок. Они ходили мимо рядов с овощами и фруктами. Вокруг стоял шум, люди торговались, продавцы перекрикивали друг друга, а над головами пролетали голуби, влетевшие в павильон через разбитые окошки над крышей. Светлана придирчиво рассматривала перцы, перебирая каждый из них в руках, украдкой наблюдая за дочерью. Шестилетняя девочка Лиза, в зелёном платице и с плюшевым зайцем в руках послушно следовала за матерью, пока они шли. Но как только мать останавливалась возле прилавка, девочка начинала скучать и всё время норовила уйти подальше.

Светлана растила дочь одна: муж Владимир пропал без вести три года назад. Поиски мужчины не увенчались успехом, и никто не знал, где он. Светлана долго не могла смириться с потерей мужа, и лишь недавно смогла признать, что даже если он жив – значит, сам не хочет выходить на связь. Светлана догадывалась, что дело, может быть, в пристрастии супруга к азартным играм и в многочисленных долгах, но доказательств, что он сбежал и затаился у неё не было.

В кармане раздалась трель телефона, и Светлана тут же отложила овощи, которые рассматривала. На экране высветилось имя её свекрови. Родители супруга, Екатерина Дмитриевна и Геннадий Васильевич, поддерживали женщину и помогали ей. Вся семья её мужа помогала Светлане, приглашала её и Лизу на семейные праздники, а свекровь и вовсе выделяла Лизу среди всех своих шестерых внуков.

— Алло, — произнесла Светлана, зажав телефон между плечом и ухом.

— Света, привет, — раздался мягкий голос свекрови. — Вы дома?

— Нет. Мы с Лизой на рынке, — Светлана оглянулась на дочь, а после пошла вдоль прилавков.

Девочка последовала за ней. Она смотрела на больших людей, которые то и дело проходили мимо девочки, чуть не задев её пакетами.

— Хорошо... — задумчиво протянула Екатерина Дмитриевна. — Света, мы подумали с Геннадием Васильевичем, не стоит вам приезжать на этих выходных к нам.

Светлана протянула руку назад, и дочь ухватила ладошкой за мамины пальцы. Женщина решила, что хватит прогуливаться среди прилавков и пора идти к проверенному времени и качеством продавцу – к торговке в углу павильона, у которой всегда была очередь. Светлана быстро шагала, от чего девочка едва поспевала за ней.

Только сейчас мать вспомнила, что две недели назад была запланирована встреча всей семьи, а именно встреча всех детей и внуков родителей её мужа за городом, на даче. Сама Светлана никогда не любила эти встречи, хоть и с улыбкой терпела, но делала она это для Лизы: она была уверена, что дочери нужно общаться с родственниками. К тому же, в семье все были настроены к ним добродушно, а её мужа, пропавшего без вести как раз когда он чуть не поставил на кон единственное их жильё, никто не вспоминал.

— Почему же? — произнося это она как раз встала в очередь возле нужного ей прилавка, крепко держа дочь за руку.

— Геннадий Васильевич заболел, — понизив голос призналась Екатерина Дмитриевна. — Ума не приложу, как он заболел в августе, но имеем то, что имеем: муж слабнет.

— Вам привезти лекарства?

— Нет, дорогая, наша дочь уже нам всё привезла. У него болит голова, и беспокоит насморк. А ещё он вечно расчёсывает кожу на руке! Кажется, он то ли порезался о шипы роз, то ли его мышь какая-то поцарапала... — протянула свекровь. — Говорила я ему, не надо лезть в те кусты, говорила, что сама всё сделаю. Но нет, кто будет меня слушать...

Екатерина Дмитриевна продолжала рассуждать, перескакивая с темы на тему. Светлана слушала свекровь, не перебивая её и давая выговориться. Женщина долго разглагольствовала о розах, соседях, болезни мужа. Она вдавалась в воспоминания о том, кому и что она сказала, кто что ей ответил, но все эти разговоры не несли никакой смысловой нагрузки. Светлана, не отнимая телефона от уха, закупила продукты. Прерывая свекровь лишь короткими замечаниями или возгласами согласия, она обошла весь рынок, купив еды на предстоящую неделю. Маленькая Лиза молча следовала за мамой, не отпуская из рук своего плюшевого зайца и только наблюдала по сторонам за людьми.

Спустя двадцать минут Светлана попрощалась со свекровью. Она пожелала здоровья свёкру, передала всем привет и только после этого убрала телефон обратно в карман джинс. Они вышли из рыночного павильона, и остановились на автобусной остановке. Руки Светланы были заняты пакетами. Только сейчас она обратила внимание, что за всё это время Лиза не произнесла ни слова, а её испуганные голубые глаза были широко раскрыты. Она смотрела на мать, но всё равно молчала.

Света присела на корточки, так, чтобы оказаться лицом к лицу с дочерью.

— У тебя всё хорошо? — спросила Светлана.

— Там дядя был, — Лиза показала пальцем в сторону, откуда они только пришли. — У дяди была кровь на руке. — Лиза показала на свою кисть, пытаясь показать маме, где была рана мужчины. — Наверное, его собака укусила?

Светлана понимала о чём говорит дочь. Год назад Лизу укусил соседский щенок. Это была не страшная травма, даже крови не было, но девочка в тот день сильно испугалась. И даже теперь, спустя год, она спрашивала у мамы, не собака ли укусила человека.

— Не знаю... Может быть, — ответила Света, и тут же оглянувшись, увидела подъезжающий автобус. — О, этот нам подходит. Пойдём, дочь.

Они вошли в подъехавший транспорт и заняв места внутри, продолжили говорить. Лиза задавала детские вопросы, рассматривала машины за окном автобуса, иногда отрывала взгляд и внимательно смотрела на попутчиков. Девочка поймала взгляд пожилой женщины в ярком цветастом платье, и женщина улыбнулась Лизе. Лиза смущённо отвернулась, а когда снова посмотрела на женщину, увидела на её ноге повязку – голень была перевязана бинтами. Девочка обернулась к маме и отвлекла её от телефона:

— Мам.

— Что? — устало спросила Света, выключая телефон.

Света была хорошей матерью, терпеливой и вовлечённой в воспитание дочери, но она всё равно наслаждалась моментами, когда могла просто отвлечься и поиграть в игру «три в ряд» или другие головоломки.

— Мам, а я видела ещё таких людей.

— С укусами? — догадалась Светлана.

— Да. Как у меня был тогда.

Светлана и Лиза уже возвращались в жилой комплекс «Лето», когда на подходе они встретили Льва Вениаминовича. Лев Вениаминович, вернее, как он просил его называть – дед Лёва, был самым пожилым жителем их подъезда. Он долгое время жил в этом доме со своей супругой Тamarой, пока болезнь не забрала её. После этого дед Лёва остался один – единственный сын погиб двадцать лет назад, когда его сбил водитель на перекрёстке у дома.

Лев Вениаминович был добрым человеком, который знал всех людей из своего подъезда. Несмотря на возраст, а именно семьдесят два года, дед Лёва единственный, кто помогал соседям и общался с ними, встретившись у дома. Он заменял лампочки в подъезде, покупая их за свой счёт, а не ожидая, когда прибудет работник управляющей организации; чистил дорогу зимой и помогал откапывать машины после снегопада; к нему первому бежали женщины, если нужен был мелкий ремонт. Дед Лёва был рад быть полезным. Взамен он ничего не ожидал, хотя в глубине души был доволен, когда в благодарность ему приносили яблочный пирог, или помогали с ремонтом его старого грузовика, который он нежно называл «старушкой».

Вот и сейчас, завидев мать-одиночку и её дочь, Лев Вениаминович сбавил шаг и дождавшись, когда женщина поравняется с ним, предложил свою помощь. Он протянул руку к пакетам Светланы.

— Здравствуй, Света, Давай, помогу.

— Лев Вениаминович, да не нужно, — Светлана попробовала отказать, помня, о болезнях деда Лёвы.

— Здравствуйте, — прошептала Лиза.

Девочка знала, что дед Лёва добрый, но он был таким старым, что она боялась его.

— Давай – давай, — Лев Вениаминович взял пакеты из рук женщины. — Не обижай меня. Здравствуй, Лизонька, — он поздоровался с девочкой, а потом снова посмотрел на Свету. — На рынке были? Молодцы.

— Да, отпуск пока что, — улыбнулась Света, объясняя, почему в этот вторник она была не на работе.

Они медленно шли в сторону подъезда. Все знали, что деда Лёву мучает артрит, а после трагичной потери сына и тяжелой утраты жены его сердце ослабло.

— Точно, ты же в отпуске, — вспомнил дед Лёва. — Скоро снова начнутся уроки, и ты будешь пропадать в школе. Ты же со старшими классами работаешь?

— Нет, почему же? Я веду от пятого по одиннадцатый классы. Математика, — напомнила Светлана.

— Точно. А Лиза? Она ведь в этом году идёт в школу?

Они приблизились к подъезду. Дед Лёва медленно ввёл код на двери и открыв её, пропустил Свету и Лизу внутрь. Затем последовал за ними. Лиза побежала к лифту и не дожидаясь пока взрослые поспеют за ней, нажала кнопку вызова.

— Да, в первый класс, — Света улыбнулась. — Уже даже портфель собрали, так она спешит...

— Молодцы, девочки, молодцы. Ты если что, обращайся, Света.

— Ой, ну что вы, Лев Вениаминович, — смущённо ответила Светлана.

Двери лифта открылись. Они втроём зашли внутрь, и Лиза нажала кнопку пятого этажа. Девочка посмотрела на пол, где было несколько капель крови.

— Фу-у-у... — брезгливо протянула Лиза, прижимая к себе плюшевого зайца.

— Лиза, не наступи! — предупредила Светлана.

— Света, — почти шёпотом заговорил дед Лёва, когда Лиза встала напротив раздвижных дверей. — Все мы знаем, как тяжело одной растить ребёнка. Не знаю, есть ли кому-то тебе помочь, но ты просто знай, что здесь живут хорошие люди. Вот на четвёртом этаже живут Огневые, у них, кстати, дочь как твоя Лиза. Наверное, они даже в один класс пойдут. Тебе стоит с ними ближе познакомиться.

Лифт остановился на пятом этаже. Троица вышла на лестничную площадку, и дед Лёва последовал за ними, чтобы донести пакеты до двери. Порой он был очень настойчив, но Света знала, что это от одиночества. Деду Лёве очень нужно было живое общение. Уже стоя у двери квартиры, дед Лёва продолжил говорить, правда уже быстрее, чтобы не задерживать Светлану:

— Или, Ирина Чернова, женщина из соседней квартиры от меня. У неё сын Сергей такой добродушный парень, учиться, работает. В общем, ты обращайся, если что.

— Лев Вениаминович, я знаю, — терпеливо ответила Светлана.

Она протянула руку и приняла пакеты с рынка обратно. Лиза неустанно вертелась вокруг мамы. Она спешила домой, у неё было ещё много дел: посмотреть мультфильмы, почитать игрушкам книжку и съесть мороженное.

— Не буду вас задерживать, — пробормотал дед Лёва, чувствуя, что он слишком навязчив.

Он помахал Лизе рукой и направился к лифту. Ему нужно было подняться на два этажа выше, но больные колени точно не позволили бы ему сделать это пешком. Двери лифта открылись, и только он ступил внутрь, как у него за спиной раздался голос Светы:

— Лев Вениаминович, спасибо большое! Вы тоже к нам заходите!

В этот вторник, Олег и Алла Огневые отвезли свою дочь Алису к родителям Аллы в посёлок Заречье. Девочка оставалась у бабушки на две недели, потому что супруги Огневые отправлялись в долгожданный отпуск и хотели остаться вдвоём на курорте. Вылет был запланирован на субботу. Впереди было ещё четыре дня, которые Олег и Алла хотели провести вдвоём – отдыхать и пребывать в компании друг друга. Они оба работали в полиции: Олег был оперуполномоченным, а Алла – инспектором штаба.

Супруги ехали в машине, возвращаясь в город. За окном тянулись поля, засеянные пшеницей. Алла пыталась вспомнить, где лежат её босоножки, которые она давно не носила – работа в полиции не предполагала обувь на высоком каблуке, а свободного времени было так мало, что и в свободное время она носила практичную одежду. Её муж, Олег, даже не пытался подсказать, где может быть обувь – он просто не знал, куда Алла закинула ненужные вещи.

На заднем сидении внедорожника сидел служебный пёс Олега – Призрак. Это был молодой кобель породы малинуа и лучший напарник Олега. Пёс сидел, высунув язык от жары и тяжело дышал. Его не оставили у бабушки в посёлке, потому что пёс слушал только команды Олега, а мать Аллы беспокоилась за своих курей. Хоть птицы и не были интересны Призраку,

бабушка всё равно переживала, что охотничьи инстинкты могут взять верх. Пса предстояло оставить в субботу коллеге Олега.

— Может, неправильно, что мы не берём Алису с собой? — внезапно спросила Алла.

— Мы же её не одну оставляем, а с твоей мамой, — парировал Олег, а после усмехнулся. — Да и это ты предложила побыть вдвоём.

Алла ничего не ответила. Она не стала напоминать мужу, что совсем недавно они говорили о том, что можно было бы попробовать родить второго ребёнка. Алиса была уже достаточно взрослой, и Алла с удовольствием погрузилась бы вновь в радости материнства. Она была младше Олега на одиннадцать лет, и Алла закономерно полагала, что она ещё молода, ведь ей было тридцать четыре года.

Машина быстро проехала по трассе и в скором времени они вернулись в город. Олег сбавил скорость и вклинился в поток машин. Призрак устало лёг на задних местах, свесив голову. Пёс задремал.

— В магазин надо? — уточнил Олег.

— Нет, дома всё есть, — задумчиво протянула Алла и провела рукой по своему затылку, взъерошив рыжие волосы. — Где же они могут быть?

— Босоножки?

— Да.

— Посмотрим на антресолях. Хотя, я почему-то уверен, что ты их выкинула, а сейчас вспомнила.

— Знаешь, что я как раз вспомнила? — заметила Алла. — Я совсем забыла спросить маму, что за собаки бегают по посёлку. Призрак рычал на них.

— Деревенские собаки, обычные, — Олег пожал плечами. — Кто-то выпустил их на самовыгул.

— Нет, это были уличные, — Алла помотала головой из стороны в сторону, рыская в сумке в поисках телефона. — Облезлые какие-то.

— На них были ошейники.

— Их было несколько!

— Их было всего три, — спокойным тоном ответил Олег.

— Их было целых три, — заметила Алла. — И выглядели они болезненно.

Не дожидаясь ответа Олега, Алла достала телефон и набрала свою маму. После второго гудка та подняла трубку, и Олег услышал Аллу, но не ответ её матери.

— Мам, — голос Аллы был требовательным, будто она забыла, что она не на работе. — Смотри, чтобы Алиса не выбегала за ворота. Там какие-то собаки у вас ходят. — Пауза, Алла поджала губы, слушая ответ, потом продолжила: — Да какая разница, соседские или нет? Это не наш Призрак, а Алиса тянется к животным. Проследи, пожалуйста.

Судя по расплывшейся улыбке жены, Олег понял, что мать Аллы пообещала, что ни одна собака не зайдёт на её двор, а Алиса не выйдет из него без присмотра. Алла всегда так улыбалась, получив своё. Она положила трубку и довольно хмыкнула.

Спустя полчаса внедорожник припарковался во дворе жилого комплекса «Лето», но пара осталась сидеть в машине. Они были вымотаны жарой и сухим воздухом. Олег всмотрелся в распахнутые окна соседей и вспомнил, как его теща жаловалась, что в эти дни не хватает дождя. «И лучше бы это был ливень, такой, чтобы урожай на огороде не поливать ещё неделю.» — Олег вспомнил слова тещи.

По дороге плёлся Толик. Это был сосед из их подъезда — тихий безобидный мужичок, постоянно пребывающий в подпитии. Каждый день Толика начинался с того, что он шёл в магазин у дома, трясущимися руками выбирал бутылку, следовал на кассу, а после этого спешил домой. Каждый день Толика заканчивался тем, что он засыпал крепким сном в своей квартире, или что реже — у подъезда на скамейке. Толик не был злым, скорее он был несчаст-

ным: алкоголь забрал у него всё дорогое сердцу – семью, работу, настоящих друзей. Остались лишь такие же выпивохи, как и он. Но Толик всегда громко здоровался с соседями и показательно осведомлялся о чужих делах, хоть никто и не воспринимал пьяницу всерьёз. Не раз было видно, как он покорно выслушивал нравоучительные речи Льва Вениаминовича о недопустимости такого поведения, но Толик никогда не перечил старику.

Вот и сейчас шестидесятилетний мужик еле переставлял ноги и брёл домой. Его голова была склонена к груди, а руки безвольно висели вдоль тела.

— Время сейчас - всего два часа дня, — Алла посмотрела на электронные часы приборной панели, — а он уже...

— Каждый сам себе ломает жизнь, как считает нужным, — ответил Олег и первым вышел из машины.

Толик остановился на пару секунд, и тяжело вздохнув схватился руками за голову. Осуждающие его соседи понятия не имели, что сегодня Толик выпил совсем немного – пару глотков пива, чтобы опохмелиться. Но его голова трещала будто в неё забивали гвозди, а тело ломило так, что он еле переставлял ноги. Толик ощущал, как его суставы выкручивает и был готов кричать от боли, но он ясно понимал, что находится на улице, и, если закричит – обязательно кто-то из соседей выглянет в окно. Даже сейчас он шёл не из магазина, а из аптеки – в кармане лежали таблетки от головной боли, антисептик и пластырь. Укус на пальце, который ему вчера оставила дворовая крыса, пока он рассматривал годную табуретку у мусорных баков, начал воспаляться: кожа вокруг покраснела, а сам палец раздулся и болел при прикосновении. Толик даже не подумал о том, что ему нужно обратиться к врачу и получить рецепт на антибиотики – в поликлинику он не ходил уже лет тридцать.

Толик убрал руки от головы и снова направился домой. За спиной раздался звук закрывающихся дверей машины, и мужчина поморщил нос – головная боль усилилась, словно очередной гвоздь вбили в череп. Он зашёл в подъезд и почувствовав прохладу внутри, закрыл глаза и остановился. Теперь даже он не понимал, что происходит: стоя с закрытыми глазами, он качался из стороны в сторону, чувствуя резко накатившую тошноту.

Ещё через пару секунд он поборол себя и дошёл до своей однокомнатной квартиры на первом этаже. Внутри квартиры плохо пахло: алкоголем и грязью. Но Толик не обращал на это внимание уже несколько лет. Он, совершенно забыв о лекарствах в кармане спортивных треников, сбросил штаны в коридоре и направился в комнату, где упал на прожжённый диван и потерял сознание. Ему ещё повезло, что упал он на бок, а не лицом в подушку или виском об журнальный столик, у которого и так был отбит стеклянный уголок.

Наступила темнота. Толик даже не успел подумать, как же хорошо, что в один миг тошнота прекратилась, а боль в суставах и голове отпустила. Последнее, о чём ещё забыл Толик – это закрыть входную дверь.

Глава 4

Глава 4

На следующий день после собрания, в среду, в НИИ царила тревожность и суета. У работающих здесь людей было много забот, а одна из них – продолжать работать в новых условиях. Из столицы приходили неутешительные новости.

Антон Геннадьевич вызвал к себе Арсения в восемь утра и попросил, чтобы тот создал новый чат, куда были добавлены все учёные НИИ.

— Снова?! Очередной рабочий чат? — возмутился Арсений.

На что Антон Геннадьевич ответил аспиранту, что уж он то, профессор, ничего не понимает в новых технологиях и ему нужен кто-то, кто сможет доносить все новости. Профессор Баранов не стал говорить парню, что он работает меньше всех и поэтому его новая обязанность не очень мешает работе института. Сам же Арсений, хоть и подозревал, что есть какая-то причина, но в подробности вдаваться не стал. Зато теперь он первым узнавал сводки из столицы, распоряжения «начальства», на которое постоянно ссылался профессор и теперь точно мог называть себя одним из главных помощников. Даже любимица профессора, Анна Соколова, была занята грызунами, а не встречами с важными людьми.

Одной из первых новостей было то, в стране массово заболели все животные. В основном, дикие – уличные собаки, коты, крысы. Белки в парках спускались к людям безбоязненно, а в городских чатах стали появляться фотографии лис, забредающих в город. Где-то в Сибири в города вышли кабаны, которые переворачивали мусорные баки и нападали на домашних пекинесов и такс. На крайнем севере белые медведи и раньше выходили к людям, но теперь, животные баррикадировали выходы из жилищ своими тушами и лениво лежали везде, где должен быть работать человек. Стрелять по животным никто не решался – медведи не проявляли агрессии, хоть и скалились, отгоняя от себя чужаков, пытавшихся отвлечь их банкой сгущёнки. А на юге страны тем временем города атаковали ежи, еноты и зайцы. За ними в города тянулись крупные хищники, но животные были так болезнены и ослаблены, что первые не скрывались, а вторые не охотились.

Домашние животные тоже страдали. Ветеринарные клиники были заполнены очередями из людей, которые держали любимцев в махровых полотенцах, готовые заплатить любые деньги, только бы домашняя Мурка или любимый пёс Шарик снова бегали за мячиком. Городские чаты разрывались от гневных сообщений о возросших ценах на оказание помощи животным. В то же время, никто не обращал внимания на крик души питомников: волонтеры и благотворители пытались привлечь внимание к проблеме скученности животных. В вольерах, где одна собака внезапно заболела, вскоре остальные были укушены и вот через сутки все особи лежали на земле тяжело дыша и собирая лужицы из слюны под мордой. Была одна закономерность, которая успокаивала жителей, давая надежду, что всё обойдётся. Домашние питомцы болели не так массово, как дикие животные, а учитывая уход и заботу, в большинстве своём они шли на поправку. Но всё же, единичные случаи с требованием организации кладбища домашних животных уже появлялись среди множества других сообщений.

В других странах, по всему миру, происходило всё то же самое. Накануне Арсений на несколько часов «залип» в телефоне, рассматривая видео, на которых люди засняли диких животных в домах и парках, в магазинах и на парковках, в пригородах и на центральных площадях. Всех животных объединяло одно: болезнь. Исхудавшие, теряющие шерсть, с загноенными глазами и ранами, животные выходили к людям и поджидали, когда кто-нибудь приблизиться к ним, чтобы резко вскочить на лапы и вонзить клыки в протянутую руку.

Второй новостью, которую Арсений и профессор Баранов неуклонно отслеживали, это рост укушенных людей. Ещё вчера, в момент, когда Антон Геннадьевич проводил экстрен-

ное собрание, в городе было сорок два укушенных человека. К вечеру это число перевалило за двести человек. На утро – близилось к четырём сотням. Не сложными подсчётами можно было понять, что за сутки было укушено в десять раз больше людей, и такая тенденция заставляла учёных предчувствовать неладное. Арсений безоговорочно принял в рабочую обязанность вести статистику. Как раз для этого он получил доступ в конференц-зал, где он смог поставить маркерные доски. Арсений рисовал графики и ежечасно исправлял данные, чтобы все желающие, могли ознакомиться с новой информацией.

Вот и сейчас, в полдень, парень спустился в душный зал и принялся чертить новые столбцы рядом со старыми.

Анна Соколова и Дмитрий Макаров третий день наблюдали за лабораторными подопытными. Собаки погибли. Несмотря на то, что в каждой клетке была пища и вода, животные отказывались от питания и в это утро среды все три особи были найдены мёртвыми. Часть грызунов тоже погибла, но некоторая часть восстановилась и продолжила свою обычную жизнь грызуна, активно бегая в колесе или прильнув к поилке. Их анализы крови пришли в норму, крысы и мыши стали здоровы и клинически, и лабораторно.

Анна и Дмитрий стояли перед пустыми клетками, где раньше содержались дворняги, сложив руки на груди. Потеря подопытных навевала на Дмитрия тоску. Во-первых, ему всё же было жаль собак. Даже несмотря на то, что опыты он любил больше, а к животным не был приучен привязываться, всё равно его беспокоило, что он не успел облегчить их страдания. Во-вторых, на этих трёх собак были оформлены все документы для проведения исследований, а теперь, даже получив новых дворняг, пришлось бы снова проходить бумажную волокиту и начинать исследования с самого начала. И в-третьих, его беспокоило происходящее, потому что в отличие от животных, людей он любил по-настоящему. Он любил свою семью, своих друзей, любил быть полезным обществу. Ему нравилось украдкой наблюдать за посторонними и вообще, Дмитрий отличался своей гуманностью, в тех случаях, когда пытался найти объяснение тяжёлым случаям.

Анна стояла рядом, ожидая, когда Дмитрий закончит тяжело вздыхать и наконец распорядится о дальнейших действиях. Девушка точно понимала, что нужно ставить вопрос о том, чтобы привезли новых подопытных, но не решалась прерывать размышления старшего коллеги. Рядом с учёными вертелся лаборант – студент-третьекурсник Пётр. Он пересаживал крыс с одной клетки в другую, наводя порядок в их жилищах. Дмитрий строго следил за тем, чтобы все подопытные животные находились в удовлетворительных условиях проживания, а не страдали от антисанитарии.

Наконец Дмитрий убрал руки с груди и упер ладони в бока. Он ожил и теперь, дав распоряжение Анне продолжать наблюдение за заражёнными грызунами, был готов вести обычные беседы.

— Твои где? — спросила Анна, устанавливая камеру напротив клетки с заражёнными грызунами.

— Сын у бабушки в деревне. — Дмитрий взял бумаги, на которых вёл свои черновики. — Жена в командировке в Карелии. А твои?

— Мои все в городе. Отец работает, мама с внуками возиться, братья и их жёны тоже работают.

— Нужно подготовить отчёт по крысам, — заметил Дмитрий.

— Ненавижу бумажную работу, — призналась Анна, намекая Дмитрию, что он и сам мог бы это сделать.

— Кто-то должен писать отчёты...

Их разговор был прерван резким вскриком. Анна и Дмитрий замолчали и тут же оглянулись на звук. Это был Пётр, сунувший палец в рот. Парень виновато посмотрел на учёных. Он

обсасывал свою рану, а затем растеряно посмотрел на крысу в клетке. На клетке была табличка с надписью – «особи, заражённые 12.08». Пётр достал палец из рта и осмотрел его: из двух маленьких дырочек текла кровь, спускаясь струйками по ладони. Пётр оглянулся на Дмитрия, и снова слизал кровь из ранки.

— Крыса укусила! Зараза такая, — пожаловался лаборант.

Дмитрий тут же бросился к парню. Движение было таким резким, что Анна отпрянула назад, подумав, что Дмитрий сейчас ударит лаборанта. Но учёный только выдернул его руку из рта, сжав кисть в ладони.

— Тебе правила безопасности напомнить?! Не знаешь, что в лаборатории в рот не тянут что попало?!

— Да кровь...

— Обработай рану, — приказал Дмитрий. — Как по протоколу! Ты подписывал бумаги, что ознакомлен.

Анна прижала к себе документы, испуганно сглатывая слюну. Она редко видела Дмитрия таким злым. Вернее, он частенько бывал не в духе, чаще по утрам, но по настоящему злым она видела его единожды – год назад лаборантка разбила реактивы в лаборатории, а после ушла, оставив химикаты и осколки стекла на полу, надеясь, что никто не узнает, что это была она. Тогда Дмитрий, казалось, был готов убивать. Сейчас Анна не вмешивалась в их диалог, помня, что она старше Петра всего на несколько лет, а Дмитрий сейчас главный. Анна точно понимала, что означало произошедшее: Пётр был укушен заражённым животным и нарушил технику безопасности.

Макаров посмотрел внимательно на лаборанта. Он не мог поверить, что тот оказался таким идиотом - не сопоставил окружающую обстановку с новыми правилами и их работу. Дураку должно быть ясно, что первым делом он должен был промыть рану и сделать перевязку, а не облизывать пальцы. Многие учёные, работающие с грызунами, по молодости были не аккуратны, но не настолько глупы. Пётр тоже стал понимать, что дело нечисто. Прошло всего две минуты с момента укуса, а он уже ощутил этот немой укор.

Роман Грызунов вошёл в маленькое помещение, которое ранее было складским. Теперь это было комнатой отдыха в их офисе. Он работал в страховой компании агентом, обзванивая клиентов с целью продать очередную страховку. Внутри помещения стоял диван и стол, где сотрудники компании могли приготовить кофе или разогреть еду в микроволновке. Здесь же они переодевались, устанавливая очередность между женщинами и мужчинами, здесь же сплетничали, а иногда и занимались более крамольными делами, о которых не было принято говорить вслух. Например, однажды под Новый год Роман, не ожидая подвоха зашёл в комнату отдыха и увидел секретаршу начальника и одного из страховщиков, предавшихся поцелуям на диване. Вскоре парочка, конечно, поженилась, но пикантности этой ситуации Роман забыть не мог, хотя очень старался. Он не любил это место: здесь постоянно кто-то находился, а в воздухе вечно витал неприятный запах перегретой пищи или грязной обуви. Та самая секретарша забывала заказать питьевую воду, а ненавистные коллеги тащили сюда все свои разговоры. Любую мелочь, любой конфликт и любую сплетню обсуждали в комнате отдыха так, будто здесь у стен не было ушей.

Вот и сейчас в комнате расположились коллеги – Ольга, сорокалетняя женщина – сплетница, чей тяжёлый парфюм вытеснял свежий воздух из открытого окна, и постоянно опаздывающий Игорь, одевающийся в нелепые костюмы. Роман, глубоко вдохнув, поморщил нос и демонстративно закашлялся: его раздражала сама Ольга больше, чем запах её духов, и он всячески пытался ей это показать. Зато Игорь мужчину мало беспокоил. Роман относился к коллеге как к назойливому явлению, воспринимая его как летающего над ухом комара или моросящий противный дождь, с которым проще смириться, чем бороться.

Роман молча залил воду в кофемашину и поставил чашку на подставку. Он нажал несколько кнопок и устоялся в окно, ожидая, пока старая техника наконец зашумит и выдаст ему капучино. Тем временем за его спиной коллеги разговаривали, не замечая Романа. Он же, стоя спиной к коллегам, всем нутром чувствовал их движения. Вот Игорь подтягивает носки, а Ольга поправляет причёску, пытаясь сделать свои щёки визуально меньше.

— Ты видел, что в новостях рассказывают? — спросила Ольга у Игоря.

— Я телевизор особо не смотрю, я больше новостные паблики читаю, — признался Игорь.

— Ой, я наоборот... Каждый день смотрю новости по телевизору утром и вечером. Вот сегодня за завтраком я смотрела наш местный новостной канал и там рассказывали, что укушенных в городе всё больше и был репортаж из травмпункта – врачи там просто «зашиваются». Я потом переключила на столичный канал, — речь Ольги была быстрой и спутанной, — и там всё то же самое. В столице укушенных уже почти тысяча человек!

— Телевизор смотреть – себя не уважать, — бросил Роман через плечо, вклиниваясь в разговор коллег.

Он сцепил зубы. Ольга определённо его раздражала, и он даже допустил мысль, что было бы неплохо, если бы её покусала какая-нибудь псина и Ольга оказалась на больничном. Кофемашина тихо урчала, налив лишь половину чашки, и Роме пришлось остаться в комнате отдыха, продолжая слушать чужой разговор.

— Не скажи, — ответил ему Игорь.

— Между прочим, — Ольга не унималась, пропустив мимо ушей замечание Романа, — уже все всерьёз говорят, что нужно быть аккуратнее и не подходить к животным на улице.

Роман почувствовал, как волна негодования накрывает его. Он был так возмущён, что почувствовал, как не хватает воздуха в этой душной, пропахшей духами, комнате. Роман резко обернулся к Ольге. Женщина стояла у стола нелепо раскачивая сумку в руках. Запах её духов вызвал головную боль и Роман прикоснулся кончиками пальцев к пульсирующему виску.

— Все это кто? — Роман оскалился, думая о том, как заткнуть женщину. — Ты только сейчас узнала, что к уличным животным не нужно приближаться? Там говорят очевидные вещи, а вы так удивлены...

Ольга поджала губы. Она видела, что Роман вспылил, но не могла понять, что его так разозлило. Спорить с ним Ольга не хотела. Вместо неё ответил Игорь, пытаясь пояснить их точку зрения:

— Это всё неочевидно, потому что животные в городе были всегда, но сейчас слишком много нападений.

— Да это всё подтасовка статистических данных! — воскликнул Роман, взмахнув рукой. — Журналисты гонятся за сенсацией и просто округляют цифры: где было пять, сказали – десять. Уверен, нет никаких очередей в травмпунктах, просто пациентов снимают с нужного ракурса.

Кофемашина издала писк, означающий, что напиток готов. И вместе с этим писком все замолчали. Коллеги смотрели друг на друга несколько секунд, затем Игорь поднялся на ноги, одёрнул пиджак, а после почесал за ухом.

— Ну не знаю... — задумчиво протянул мужчина.

Роман взял чашку и собирался покинуть комнату отдыха, пока Ольга и Игорь ему ничего не ответили, как в этот же момент дверь открылась с той стороны и в комнату заглянул ещё один коллега. Александр, – человек, который больше всех поддакивал начальнику и всегда был первым в курсе всех событий.

— Народ, — обратился он к трём коллегам. — Ваша пятиминутка затянулась.

— Да, мы идём, — Ольга повесила сумочку на предплечье и собиралась выйти, но Александр не двинулся с места, перекрывая выход.

— Я тут такое услышал, — заговорил Александр, оглянувшись перед этим в зал, где сидели агенты по страхованию. — Нас, наверное, на удалёнку отправят.

— Зачем? — уточнил Игорь.

— Когда? — спросил Роман.

Злость внутри бурлила и голос его был слишком грубым, но Романа это мало волновало. Ему натерпелось выйти из комнаты отдыха, чтобы оказаться подальше от коллег, но услышав о возможной «удалёнке», он остановился как вкопанный. До отпуска было ещё несколько месяцев.

— Не знаю, — Александр пожал плечами. — Слишком много диких животных в районе, нужно на неделю ограничить количество людей в городе, чтобы службы отлова смогли беспрепятственно поймать их.

— Каких животных? — Роман усмехнулся. Это уже становилось не смешно: из-за слухов и паники люди придумывали то, чего нет. — Мы в центре города.

— Вот именно! — запротестовала Ольга. — В городе уже лисы появились! А вчера, я видела волка.

Роман посмотрел на Ольгу как на сумасшедшую. Эта женщина поднимала лишний шум, а её фантазия, смешанная со сводками новостей, выдавала бредовые выдумки.

— Это была собака, — медленно произнёс Роман, так, будто говорил о собственном питомце, чью природу Роман был намерен защитить.

— Это был волк!

Роман покачал головой. Он сдался и решил не спорить с Ольгой. Теперь он считал её не только неприятной особой, но ещё и сумасшедшей. А лично ему было безразлично, есть ли волки и лисы в городе. Главное, если людей всё-таки отправят на удалённую работу, он наконец-то сможет выспаться и не ездить в общественном транспорте хотя бы неделю.

Рома приблизился к Александру и небрежным движением руки подвинул коллегу в сторону. Когда Александр посторонился, Роман прошмыгнул в коридор и зашагал к своему рабочему столу, пытаясь не разлить содержимое кружки. Кофе начинало остывать, но он наконец улыбнулся: воздух в офисе был чище, и головная боль тут же стала утихать. Трое коллег смотрели ему вслед. Ольга, Игорь и Александр переглянулись.

— Какой же он... — протянула Ольга, не закончив фразу.

— Неприятный, — подсказал Игорь. — Как всегда.

— Оля, — прошептал Александр, оборачиваясь на коллег. — Следующий раз наноси меньше духов.

Ольга покраснела.

Константин Ковалёв, мальчишка четырнадцати лет, сидел в гостиной, поджав под себя ноги. В руках у него была пустая пачка чипсов, и он облизывал пальцы, наслаждаясь последними крошками со вкусом паприки. Костя смотрел телевизор, где на экране главный герой с пистолетом в руке выбивает дверь ногой, раздаёт приказы обычным горожанам и после этого запрыгивает в вертолёт. Подросток продолжал смотреть, хотя этот фильм и десяток идентичных ему, он уже посмотрел за все летние каникулы. Сейчас должна была быть сцена, где вертолёт начнёт падать, и герой выпрыгнет из него за секунду до взрыва. Костя даже отложил пачку чипсов в сторону, предвкушая как сейчас загрохочут динамики телевизора.

Но вместо этого за окном раздался звук звонка с велосипеда. Костя, понимая, что всё-таки не увидит эту сцену взрыва, поспешил — он знал, что это его друг Лёха — они договаривались покататься по району на велосипедах. Парень тут же выключил фильм, как раз в тот момент, как вертолёт проносился над крышей торгового центра, выбросил пустую пачку чипсов и быстро схватив ключи с тумбочки в коридоре, надел кроссовки и выскочил во двор. Он схватил свой велосипед, прислонённый к воротам, и выкатил его на улицу.

На улице было жарко: Лёха сидел на велосипеде, опираясь ногой на камень возле забора. Его тёмные волосы прилипли ко лбу, а майка была пропитана потом. Когда Костя вышел, Лёха недовольно воскликнул:

— Ты чего так долго?

— Да ты издеваешься? Я даже не досмотрел фильм!

— А... — протянул Лёха. — А я тоже вчера смотрел фильм, но не помню его названия. Там было про мужика и собаку, которые остались одни в городе.

Мальчишки пожали друг другу руки, на манер как это делают отцы и дяди, сели на велосипеды и поехали по дороге. Сначала медленно – дорога у их домов была не залита асфальтом и колёса норовили свернуть в траву. Потом они вырулили на заасфальтированную часть и здесь они разогнались. Лёха резко ускорился, от чего Косте приходилось догонять его. Он чувствовал, как майка прилипает к его спине, но горячий ветер, дувший в лицо, приносил удовольствие. Костя ещё не догадывался, что именно об этом лете он будет помнить всю свою жизнь.

— Слышал, в классе новенькие девчонки будут, — крикнул Лёха, повернув голову на отстающего Костю, а потом быстро вернулся взглядом на дорогу.

— Какие? — Костя переключил скорость и почувствовал, как педали стало легче крутить, а сам велосипед рванул вперёд, и вскоре поравнялся с Лёхой.

— А я откуда знаю? — удивился Лёха, снова повернул голову и улыбнулся. — Моя сеструха сказала, что в посёлке новые семьи и по её расчётам, в нашей параллели будут новые девчонки.

— Ну и что? — спросил Костя и пожал плечами.

Ему было не интересно, что за новые девчонки придут в школу. Особенно ему это было не интересно, после того как их подруга Катя, которая ему нравилась с четвёртого класса, перестала общаться с ним и Лёхой. Почему она перестала общаться с ними, Костя не знал, но догадывался, что дело в новой компании друзей Кати. И, конечно, в этой компании был Марк – шестнадцатилетний парень, самый крутой пацан их школы.

— Как что? — Лёха притормозил у поворота, а после махнул рукой, зазывая за собой Костю. — Посмотрим хоть, как они выглядят.

— А если они страшные?

Костя был уверен, что новые девчонки будут страшными. Не было никого красивее Катки, которая разбила его юное сердце. А ведь он даже не успел ей признаться, что считает её самой красивой девчонкой школы. Да что там школы – посёлка Ясенево!

— Если они страшные, тогда не будем на них смотреть, — заключил Лёха с серьёзным лицом.

Костя ничего не ответил. Не хотел он ни на кого смотреть, и вообще, не хотел в школу возвращаться. За лето он отвык от всех подростковых проблем, таких как учёба, предательство друзей и непонимание со стороны родителей, а за три месяца отдыха он осознал, что фильмы-боевики и катание на велосипеде благотворно влияют на него.

Они приехали к озеру и бросили велосипеды на земле. Трава была высокой, где-то пожелтевшей от жары. Костя на мгновение вспомнил, что отец говорил ему о клещах и запретил заходить в шортах в траву, но мальчик быстро отогнал от себя воспоминание. Подростки прошли к берегу и быстро собрав плоские камешки с песка, стали бросать их в воду. Костя нашёл подходящий камень, примерил его в ладони, затем размахнулся и метнул его в воду. Камень три раза ударился о гладь воды и потонул. Рядом, ударившись о воду пять раз, упал камень, брошенный Лёхой.

— Тебе надо потренироваться, — заметил Лёха.

Они продолжили бросать камешки, споря, кто из них наберёт больше очков. Несмотря на жару, у озера они были одни, если не считать рыбаков на другом берегу. Озеро уже зарастало камышом и ждала его участь становления болотом через десяток лет.

— Я говорил тебе, что моего отца покусали собаки? — внезапно спросил Лёха, провожая взглядом брошенный камень. Четыре удара.

— Да, — Костя кивнул, рассматривая камни под ногами в поисках подходящего.

Неделю назад, на отца Лёхи напали две собаки, когда он выходил из машины. Всё что знал Костя — его покусали за голени и отец друга поехал в больницу. В тот вечер мать Лёхи позвонила ему и потребовала, чтобы сын срочно возвращался домой, тем самым прервав их исследование близлежащего леса.

— Он в больнице неделю пролежал, прикинь. Сегодня его выписывают и он возвращается домой, — в голосе Лёхи послышалась надежда.

Костя немного помолчал, а потом тихо заметил:

— Твой отец крутой. Мой бы в больнице пролежал недели две, а то и месяц.

Лёха усмехнулся. Он проводил взглядом брошенный камешек в воду, а потом повернулся к другу.

— Да ладно тебе. Твои родители нормальные. Просто очень серьёзные.

Костя не ответил. Он продолжил бросать камешки в воду, закручивая их в воздухе. Камни по очереди бились о воду, после чего падали на дно.

— Зато у тебя есть дядя Паша, — заметил Лёха.

— Да, он крутой, — Костя оживился. — Он ездит на байке, ты видел?

— Не, я видел его тачку.

— Да, тоже классная, — Костя кивнул, вспоминая синий внедорожник-пикап дяди. — И он в автосервисе работает. Хочу быть как он.

— А родители? — Лёхе надоело бросать камни, и он сел на высохшую траву. — Что они говорят?

Костя обернулся на друга, и неряшливо бросил оставшиеся камни на берег. Затем он сложил руки в бока и пародируя свою мать, пробормотал писклявым голосом:

— «Костя — институт! Костя — образование! Костя, без корочки ты никто!» А я не хочу! Я учусь только, чтобы не слушать их нравоучения.

На самом деле, Костя знал, что кроме нравоучений ему ещё придётся отрабатывать каждую полученную двойку, а мать будет не только нравоучать, но и рыдать. А ещё и отец начнёт проверять домашнюю работу...

— Но ты тогда будешь целыми днями в масле, — заметил Лёха, прерывая раздумья Кости.

— И буду. И что такого? Тоже работа.

— Может, и правда... — согласился Лёха.

Костя обернулся на озеро и посмотрел, как на противоположном берегу камыши низко склонялись под ветром, а рыбаки собирают удочки. Он подумал о том, что возможно он не прав по отношению к родителям, считая их слишком занудными, но не мог признаться в этом Лёхе: он должен был быть крутым как дядя Паша.

— Спорим, завтра я выиграю у тебя? — спросил он, имея ввиду бросание камней в воду.

— Спорим, — согласился Лёха.

Через сорок минут они возвращались домой. Солнце было уже не такое яркое, но воздух был всё ещё тяжёлым. Мальчишки крутили педали, двигаясь вперёд по асфальтированной дороге. Вскоре они свернули на грунтовку, из-за чего им пришлось снизить скорость. По дороге ребята говорили о своих подростковых делах, обсуждали старшую сестру Лёхи и её подруг, и строили планы на оставшиеся две недели этого августа.

Внезапно, на пустынной дороге, их разговор прервала собака — крупная, серая, с бешеным взглядом. Она выскочила из кустов и повалила велосипед Лёхи на землю: набросившись на переднее колесо, животное сбило велосипед с маршрута, от чего колесо свернуло на гравий.

Лёха не успел вывернуть руль и упал вместе со своим транспортом, оказавшись зажатым между землёй и рамой. Костя ехал позади и поэтому резко затормозил, от чего он едва не перелетел через руль, но всё равно удержался. Он замер, не слезая с сидения и опираясь ногами в мелкие камешки, а его взгляд был прикован к серой собаке. Лишь тогда он услышал пронзительный крик друга. Воздух стал расширяться и после мгновения тишины мир снова наполнился звуками. Собака громко зарычала, но нападать не спешила – она отошла в сторону, тяжело дыша. Костя перевёл взгляд на Лёху, который в это время медленно поднялся с земли: его глаза были широко распахнуты, а грудь тяжело поднималась от резких вдохов. Костя видел, что пальцы друга дрожат мелкой дрожью, но, когда Лёха сел на велосипед, он крепко сжал руль.

— Поехали, — прошептал Лёха, пытаясь не смотреть на собаку, которая тем временем села неподалёку, под кустом ежевики, пробивающейся через забор чужого участка.

Он медленно тронулся и поехал вперёд. Костя посмотрел в спину Лёхи, не чувствуя своих ног. Он боялся, что собака может напасть на них снова, но и оставаться здесь один он не хотел. Лёха проехал мимо, а серая собака даже не повернула на него голову. Животное устало куда-то вдаль, в сторону леса, приоткрыв пасть, из которой струйкой текла вязкая слюна. Пройдя мимо неё, мальчики разогнались – быстро, резко, и вновь понеслись вперёд.

Через пару минут они стали замедляться, боясь оборачиваться назад. Косте казалось, что собака следует за ними, сохраняя дистанцию до велосипедов.

— Ты как? — спросил Костя.

— Нормально, — выдохнул Лёха, не оборачиваясь. — Просто испугался.

— Она тебя не ранила?

— Нет, — коротко ответил Лёха. — Я просто упал.

Они ехали дальше молча. Спокойно, не гнали вперёд, хотя оба мальчика переживали, что собака может их догнать. Даже несмотря на то, что они уже отъехали достаточно далеко, неприятное чувство, что жёлтые глаза могут смотреть им в спины, не давало Косте покоя.

— Эта собака могла напасть сзади, — заметил Лёха.

— Она выглядела уставшей, — ответил Костя, пытаясь успокоить сам себя. — Как будто после того, как она выскочила, у неё не осталось сил.

Лёха не ответил. Они доехали до развилки и остановились. Лёха посмотрел на свой локоть, где красовалась ссадина. Она была такой тонкой, что даже кровь не текла.

— Завтра встретимся? — уточнил Лёха.

— Ага, — кивнул Костя. — Поедем на озеро. Мне нужно выиграть у тебя в бросании камней.

— Договорились, — Лёха кивнул, а потом оглянулся на дорогу, по которой они ехали. — Только поедем другим путём.

Мальчики попрощались и каждый поехал в свою сторону: Лёха свернул к своему дому, а Костя направился прямо. На душе у каждого из них было тревожно.

Когда Костя вернулся, он оставил велосипед во дворе дома. Он побежал по ступенькам вверх, доставая на ходу ключи из кармана шорт. Но дверь открылась перед ним. На пороге стояла его мать. Её длинные каштановые волосы были растрёпаны, а в уголках глаз была размазана тушь. Костя замер и почувствовал, как ком встал в горле. Мама ещё не плакала, но была близка к этому.

— Ты почему телефон не взял? — взвизгнула она.

И только сейчас Костя вспомнил, что оставил мобильник на диване, когда побежал на улицу.

Пока Костя Ковалёв и его друг Лёха изучали окружающий мир, гоня на велосипедах и кидая камешки в воду, мать Кости, Вероника, вернулась домой с работы вскоре, как сын уехал.

Они разминулись на десять минут. Сегодня в музее, где Вероника работала экскурсоводом, был сокращённый день и вернулась она ещё до обеда.

В доме было тихо, чему очень была рада Вероника. В такие редкие часы, когда она оставалась наедине с собой, она могла привести мысли в порядок и заняться своими делами.

— Костя? — позвала она, проверяя, точно ли никого нет дома, и никто не ответил.

Женщина сложила босоножки в коридоре, бросила сумку на комод и потянувшись вверх, прошла в столовую. Она на ходу сбросила рубашку, не беспокоясь, что кто-то может увидеть её через окно. В мире Вероники было правило – не смотреть в чужие окна, и она свято верила, что их соседи, уважаемые люди, не будут нарушать это правило ни в коем случае. Оставшись в брюках и бюстгальтере, Вероника открыла холодильник: котлеты, которые она приготовила накануне, остались нетронутыми. Утренний завтрак был лишь наполовину съеден сыном. Она покачала головой, понимая, что он где-то голодный, но напонила себе, что Костя достаточно взрослый, чтобы самостоятельно решить свою проблему.

Вероника ушла в ванную, где переоделась, и в скором времени женщина вышла в центр гостиной с ведром в одной руке, а в другой с щёткой для мытья полов и зажатой тряпкой в кулаке. Закрепив волосы крабиком, она включила телевизор, перед тем как приступить к уборке. Ей обязательно нужен был источник звука фоном. Автоматически включился новостной канал и сначала Вероника не обратила внимание на репортаж, приступая к уборке, но спустя несколько секунд услышала голос журналиста, сообщающий об экстренном выпуске новостей. Она бросила взгляд на экран и застыла – кадр за кадром показывали записи с городских камер, где было одно и то же: вот мужчина стоит на автобусной остановке и мимо проходящая собака неожиданно кусает его за голень, от чего мужчина вскрикивает, а собака тут же уходит; вот съёмка из центра города, где другому мужчине приходится защищать семью от своры животных, окруживших их, пока на подмогу ему не пришли другие люди, вооружённые подручными средствами; съёмка с телефона мобильной камеры, где две женщины спорят о необходимости намордников во время выгула домашнего питомца, а на фоне кричит ребёнок, которого судя по диалогу женщин, укусила собака.

Вероника застыла с тряпкой в руке и уставилась на происходящее на экране. Голос репортёра описывал происходящее, для тех, кто мог слушать, но не смотреть. Вскоре картинка сменилась множественными кадрами, на которых люди запечатлели диких животных, таких как лис и кабанов в черте города. Эти лесные животные спокойно сидели на городских площадях, окружённые голубями, а их вид был болезненным: облезшая шерсть и открытые пасти, из которых текли слюни.

Вероника сама не заметила, как забыв об уборке, села на диван. Тряпку она отложила на подлокотник дивана. Её рот открылся сам собой, и женщина медленно моргала, поражённо рассматривая кадры. Картинка на экране сменилась: репортёр – молодая женщина с микрофоном в руках – стоит на улице. Её рыжие волосы падали на лицо мелкими кудрями, а неярко накрашенные губы расплывались в профессиональной улыбке. За её спиной было здание больницы. Вероника узнала: это их областная больница, в центре города.

В кадре, за спиной репортёра, была видна очередь. Люди стояли на крыльце, сидели на ступенях, кто-то расположился на асфальте, зажимая раны одеждой или ладонями. Женщины плакали, мужчины нервно курили, отойдя от входа на несколько шагов. Оператор снял как останавливается машина на парковке и оттуда выбегает мужчина, прижимающий ребёнка к груди. За ними следом выбегает женщина, оставив машину нараспашку открытой. Вероника не знала, это запись или прямой репортаж, но оператор продолжал снимать как мужчина кричит, чтобы пропустили его и ребёнка, но люди запротестовали. Кто-то в очереди крикнул, что они все пострадали, а детская областная больница находится дальше, через две улицы. Репортёр обернулась к оператору и заговорила, отвлекая зрителей от происходящего у входа: *«В больницы города обращается всё больше людей, —* говорила репортёр, окидывая рукой людей за

своей спиной, где отец передал сына матери, а сам на повышенных тонах говорил с другим пострадавшим. — *Насколько нам известно, в приёмных отделениях уже нет места для оказания, в хирургических отделениях нет свободных коек. Люди ждут приёма на улице, готовые идти в любые кабинеты, где им могут оказать медицинскую помощь.*» Мимо камеры проходили зеваки, которые хмуро смотрели в объектив или с интересом поворачивались к происходящей шумихе у больницы. Только один десятилетка, с булочкой в руках, остановился, чтобы помахать ладонью зрителям.

За спиной репортёра завязалась драка, и женщина дала команду оператору выключать камеру. Кадр снова моргнул и теперь на экране была телевизионная студия, где репортёр — мужчина средних лет с серьёзным лицом — сидел за столом и перекладывал бумаги. Он поднял голову, и посмотрев в объектив, заговорил: *«Это была наша коллега Алина Егорова, спасибо за репортаж,* — он ещё раз бросил взгляд на бумаги, и сменив интонацию, продолжил: — *На сегодняшний день число укушенных животными в нашем городе за последнюю неделю выросло с сорока человека до пятисот тридцати. Это только зафиксированные травмы. В области число пострадавших близится к трём тысячам людей. Это количество продолжает расти, и повторюсь, речь идёт только о зафиксированных случаях в лечебных учреждениях.*»

Вероника продолжила сидеть, теребя в руках краешек летнего платья, в котором год назад ещё щеголяла на курортах, а сейчас — платье стало домашним. Она совершенно забыла о своих планах и продолжала смотреть на мужчину в студии. Он тем временем продолжал говорить: *«Мы настоятельно рекомендуем не поддаваться панике, соблюдать меры предосторожности и не приближаться к бездомным и диким животным на улице,* — голос репортёра стал спокойнее, и он монотонно продолжил говорить заученный текст: — *Нет никакой необходимости оставаться дома, если соблюдать данные рекомендации. Если вы ранены, обращайтесь за медицинской помощью. В скором времени будут развёрнуты выездные пункты оказания первой помощи в центре города, куда можно будет обратиться. Следите за нашими новостями на канале «Главный» и в городских пабликах, где мы обозначим адреса расположения пунктов.*».

Только репортёр закончил говорить, Вероника поднялась с дивана и направилась к своей сумке. Мысль, что нужно позвонить сыну, а затем мужу, вспыхнула в её голове. Через несколько секунд она вернулась в гостиную и стоя перед телевизором собиралась позвонить Косте, как в этот момент на экране включилась телевизионная программа, где в студии расположился ведущий, а по бокам от него сидели ещё трое мужчин, видимо, приглашённые эксперты. Все четверо мужчин сидели в центре на чёрных диванах и наигранно спорили, поднимая рейтинги канала. В студии были гости и зрители. Вероника застыла с телефоном, предполагая, что сейчас позвонит сыну, но сама не заметила, как снова увлеклась происходящим на экране.

— И что мы имеем на сегодняшний день? — требовательно спросил ведущий у мужчины слева от себя.

Эксперт поправил очки на переносице, затем ответил:

— По всей стране зафиксированы нападения животных. Число пострадавших за неделю близится к миллиону.

Тяжёлый наигранный вздох зрителей.

— Миллион — это не так уж много, — заметил другой эксперт.

— Миллион людей за неделю, — перебил его ведущий. — Это миллион людей, которые не должны были быть укушенными!

— Подождите, Олег, позвольте заметить, — первый эксперт снова заговорил: — Важно сказать, что несмотря на то, что хоть в черту города заходят лесные животные, а собаки и кошки всегда жили в городах, они не проявляют агрессию в привычном смысле.

— Что вы имеете ввиду?

— Я хочу сказать, что животные кусают единожды. Все раны не приводят к летальным исходам. Всё сводится к тому, что это лишь приведёт к временной нагрузке на звено оказания медицинской помощи.

В зале раздался ропот. Ведущий замолк на секунду, казалось, он опешил по-настоящему, а не по сценарию. Затем он воскликнул:

— Вы слышите себя? — ведущий вскочил на ноги и размахивая папкой со сценарием направился к одному из экспертов. — Вы слышите, что вы говорите? То есть, по вашим словам, единственная проблема в происходящем, это лишь возросшая нагрузка на медработников?

— Я не это имел в виду, — попытался оправдаться эксперт.

— Но вы это сказали! — взвизгнул ведущий. — Неужели происходящего в стране недостаточно для того, чтобы усилить службы отлова животных?

Эксперт, с которым говорил ведущий, вздохнул. Двое других скучающе наблюдали за диалогом.

— Службы отлова работают на пределе, но их недостаточно, — ответил эксперт в очках. — Речь идёт не только о диких животных – животные есть в каждом дворе: уличные кошки, грызуны. В каждом подъезде живут домашние питомцы. Питомники переполнены. Люди, которые там работают, и волонтеры – большинство из них тоже укушены, и даже не единожды, а многие из них работают на износ.

— Означает ли это, — внезапно спросила женщина из числа гостей, — люди теперь не могут жить в городах?

Вероника пыталась вспомнить, в каком фильме видела эту женщину – актрису средних лет, которая теряла свой уровень популярности. Эксперт тем временем повернулся к ней, окинул презрительным взглядом, а затем, отвернувшись от женщины, обратился к ведущему программы:

— Мы просим людей быть терпеливыми: не приближаться к животным, избегать переулков, не оставаться в одиночестве на улице, минимизировать время выгула питомцев. Ситуация временная, — он сделал паузу, и тут же продолжил: — через три - четыре дня, максимум через неделю, на улицах будет безопасно.

Зрители снова завyli, из динамиков послышалось протяжное «У-у-у...».

— Через неделю? — ведущий удивлённо поднял брови. — У вас есть гарантии?

— Это наш прогноз, — внезапно заговорил третий эксперт, молодой парень, который всё это время молчал. — Службы отлова работают, медработники готовы оказывать помощь, больницы и аптеки получают дополнительное оснащение расходниками и препаратами.

— Рекламная пауза, — внезапно произнёс ведущий, — мы вернёмся после рекламной паузы.

На экране телевизора тут же сменилась картинка и Вероника увидела актёров с счастливыми лицами, рассказывающие зрителям как они рады новому вкусу йогурта. Она тут же отвлеклась от телевизора и посмотрела на телефон в руке – экран уже потух. Вероника вспомнила, что так и не позвонила Косте. Женщина снова набрала номер телефона сына, но не успела нажать на кнопку вызова – за окном раздался крик.

Резкий, испуганный женский крик.

Вероника вскочила на ноги и подбежала к окну. Она отодвинула тюль и увидела свою соседку – Екатерину, женщину тридцати лет, которая последние пять лет была счастливой мамой двух детей и женой владельца сети кофеен. Вероника знала её, иногда они болтали с соседкой, когда одновременно пересекались у ворот. Возле Екатерины стояли две собаки, задрав морды вверх. Машина Екатерины стояла перед электрическими воротами – не въехала во двор, так как пульт управления не сработал. Сама женщина стояла между машиной и воротами – видимо, она хотела открыть их с той стороны.

Екатерина снова закричала, зовя на помощь. Две собаки, стоявшие справа и слева от неё, тем временем не лаяли, лишь молча обходили её по кругу, лениво переставляя лапы. Вероника видела, что одна из собак, рыжая и беспородная дворняга, хромот, а на задней лапе виднеется засохшая кровь.

Вероника отложила телефон. Она понимала, что нужно выйти на помощь соседке. Женщина оглянулась и посмотрев на швабру, прикинула, что палку можно использовать как оружие, чтобы отогнать животных. Вероника уже решилась, и только намеревалась схватить своё оружие, как крик Екатерины снова заставил её обернуться. То, что увидела Вероника, ввело её в ступор.

Рыжая хромотая собака схватила зубами подол платья и потянула на себя. Вероника не слышала, но ей казалось, она слышит, как животное рычит, глядя соседке в глаза. Екатерина прижималась к забору, от чего земля под лапами собаки вспахивалась когтями. Женщина дёрнула подол платья, пытаясь вырвать ткань из пасти животного, но у неё не получилось. В момент, когда она дёрнула сильнее, другое животное – грязно-белый кобель со свалявшейся шерстью, подпрыгнул и вцепился в предплечье Екатерины, но спустя несколько секунд отпустил, оставив на руке отметины укуса. Раздался протяжный крик – теперь не от испуга, а от боли.

— А! — Вероника прижала ладони к губам.

Екатерина тем временем уронила сумочку, и делая шаг в сторону, споткнулась об неё и упала. Женщина начала плакать. Собаки, будто забыв о том, что нападали, остановились в стороне, раскрыв пасти. Их глаза уставились на человека, но хвосты медленно качались из стороны в стороны. Если бы не нападение несколькими мгновениями раньше, казалось бы, что они хотят играть.

Вероника, застыв, стояла у окна и хоть в голове роилась мысль, что нужно выбежать на помощь, она не могла сдвинуться с места. Ей было страшно быть укушенной, а мысль, что помимо этих двух животных могут быть ещё, вызвала мелкую дрожь в теле. Она не могла пожертвовать собой, хоть и должна была. По-человечески, по-соседски, она должна была, но страх сковал Веронику. Она почувствовала, как в уголках глаз собираются слёзы, а губы искривляются в испуганной гримасе.

В тот же момент в конце дороги показался силуэт: какой-то мужчина бежал на помощь Екатерине. В его руке была зажата палка и только когда он приблизился, Вероника увидела спортивную битку. Она выдохнула, в ту секунду, когда мужчина приблизился к соседке и собаки посторонились в сторону, будто и не планировали нападать. Мужчина подал руку Екатерине и повёл её к воротам. Он ждал, пока она найдёт ключи в сумочке, но даже через окно Вероника видела, что руки соседки дрожат. Спустя ещё минуту женщина открыла ворота и зашла внутрь двора, оборачиваясь, чтобы пригласить своего спасителя пройти. Люди скрылись за высокими воротами, а собаки, вяло махая хвостами в стороны, поплелись прочь.

Вероника выдохнула и посмотрела на свои руки. В дрожащих ладонях она всё ещё сжимала телефон. Тут же забытая мысль прогремела словно гром, и она наконец позвонила сыну. Только она взмолилась, чтобы он ответил, только чтобы он сказал, что в порядке, что скоро вернётся... Как она услышала трель звонка на диване.

Костя снова забыл мобильник дома.

К вечеру среды уже весь НИИ знал, что лаборант Пётр был укушен заражённой крысой. Антон Геннадьевич незамедлительно доложил об этом случае Владимиру Андрееву, и по настоянию столичного профессора, лаборант был помещён в изолятор. В изоляторе была кушетка и тумбочка, одна из стен представляла собой стекло, а в скором времени туда привезли медицинскую аппаратуру. Вслед за аппаратурой, в НИИ должны были прибыть врачи, которым было дано поручение заботиться о лаборанте. Всё это происходило с подачи столичного профессора Андреева, который уверял профессора Баранова в необходимости наблюдать

за пострадавшим. Несомненно, происходящее в НИИ документировалось с пометкой «совершенно секретно». Данный инцидент не должен был покинуть стены института.

Пётр был не согласен с таким положением дел. Он угрожал профессору Баранову, что подаст на НИИ и на профессора лично в суд, за то, что его посадили в изолятор. Он требовал, чтобы к нему привели полицейских, чтобы вызвали юриста, но увидев уставший взгляд профессора Баранова, Пётр замолк. Он увидел перед собой человека, который не хочет врать, а правду и сам не знал.

— Скажите, почему я здесь? — наконец спросил Пётр.

— Честно, мне нечего сказать, — ответил Антон Геннадьевич.

И опустив голову, профессор покинул изолятор, оставив лаборанта одного.

Глава 5

Глава 5

В четверг, пятнадцатого августа, ранним тёплым утром, Антон Геннадьевич стоял в своём кабинете у окна. Он, уперевшись руками в подоконник, смотрел вдаль, как рассвет поднимался над городом. Профессор был одет в домашнюю одежду, которую накануне привезла его жена – Людмила Аркадьевна. Он разрешил сотрудникам вне лабораторий одеваться как удобно, лишь бы люди могли хоть немного отдохнуть, оставшись вдали от дома и своих семей. Антон Геннадьевич думал о том, что ему не достаёт данных для оценки всей ситуации. Ему даже казалось, что от него что-то скрывают, но он пытался отогнать эти мысли. Ведь не могло быть так, чтобы директору научного института не доложили о всей ситуации с новым вирусным заболеванием?

Раздался телефонный звонок, прервавший размышления профессора. Антон Геннадьевич достал мобильник из кармана клетчатых домашних штанов. Он посмотрел на яркий экран, где высветилось: «Андреев». Антон Геннадьевич чертыхнулся, и наконец ответил.

— Ну, — недовольно пробурчал Антон Геннадьевич.

— Антон, у нас здесь... началось! — голос Владимира был сдавленным.

— Что началось?

— Клиника! — Андреев сорвался на крик, и фраза прозвучала визгливо. — Мы им уже дали название: Иные! Этих называем Ранние, думаю, будут и другие.

Лицо Антона Геннадьевича вытянулось, а взгляд заметался по окнам вдалеке стоящих домов.

— Да нормально скажи! Не понимаю о чём ты, — признался Антон Геннадьевич.

— Они, заражённые люди - другие. Первые случаи начались сегодня ночью. Люди, укушенные неделю назад, сегодня стали другими: глаза у них мутные, мутанты хрипят, движения резкие, а сами они агрессивные. Кидаются на других людей и рвут их.

— Кусают? Постой, ты сказал: му-тан-ты?! — последнее слово профессор Баранов произнёс по слогам, вслушиваясь, как оно звучит.

— Одним укусом не ограничиваются, как животные. Они именно рвут людей. И ещё, мутанты игнорируют друг друга, нападают только на здоровых.

— Это связано с «Ашкой»? — решил уточнить профессор.

— Сто процентов! Мутируют только укушенные животными. Думаю, укушенные людьми тоже будут изменяться.

— А с животными что?

— Животные клинически такие же, некоторые становятся активнее, но не более. Продолжаем наблюдение.

Баранов молчал. Он не знал, что ещё спросить. Взгляд наконец зацепился за одно окно дальнего дома, где силуэт женщины качал новорожденного на руках.

— У больных слюна течёт. У животных тоже она течёт, но они не кидаются. А люди агрессивные, — пояснил Андреев.

— А что с лечением?

— Баранов! Какое, к чёрту, лечение? К ним подойти невозможно, они кидаются! — отчеканил Андреев и Антон Геннадьевич услышал, как тот стукнул кулаком по столу. — Нападают, понимаешь?! На улицах в них даже стрелять начали, а им лишь бы что! Истекают кровью, но продолжают идти! Короче, слушай, — Антон Геннадьевич услышал, как Андреев закурил сигарету, хотя тот не курил уже лет двадцать. — Я тебе настоятельно рекомендую забирать жену в НИИ, звонить детям. Где они у тебя там, в Азии? И по-человечески – разреши сотруд-

никам семьи забрать в НИИ. Но домой не отпускай, нужно работать. Думаю, у вас тоже скоро будут эти... Как их там... Ранние! Всё, созвонимся!

Андреев бросил трубку. Профессор Баранов потёр свою лысую голову. Он тут же представил, что будет с НИИ, если сюда собрать все семьи с детьми. А у многих, наверняка есть питомцы? «Нет, определённо, всех нельзя» - подумал профессор. Он был в недоумении от такого совета профессора Андреева. Антон Геннадьевич немного подумал, прошёлся по кабинету, смотря на свои тапочки, а затем позвонил администратору, совмещающую должность секретаря, и попросил её оповестить всех учёных, чтобы они вызывали в НИИ свои семьи. Но перед этим он распорядился отпустить домой юристов и бухгалтеров, а также уборщиц. Им было ни к чему сидеть в НИИ, который собирались изолировать от окружающего мира, а уж чистоту поддержать и еду приготовить смогут сами оставшиеся внутри. Хоть сейчас и было спокойно в городе, он верил Андрееву и знал, что тот шутить не будет. Администратор попыталась задавать вопросы, но профессор ответил, что сейчас не время говорить об этом.

— Я тоже уйду домой, — сказала женщина, после того как профессор отказался отвечать на её вопросы. — Мне оставаться здесь ни к чему, поеду на дачу.

Профессор Баранов думал её отговорить, но вместо этого согласился с администратором. Он понимал, что вскоре начнётся паника и не хотел быть более причастным к скором шумихе. Он и так уже достаточно должен будет объяснять.

— Да... Да, на даче побудьте. Я позвоню, когда всё образуется.

После этого он позвонил своей жене и дал распоряжение, чтобы она тут же собирала вещи, перекрывала всё в квартире и ехала на такси до НИИ. Жена попыталась спорить, но он тут же пресёк её рассуждения. По своей натуре Антон Геннадьевич был мягким человеком, но всё же характер начальника иногда давал о себе знать. Следующим звонком он позвонил сыну, но тот не ответил на звонок. Антон Геннадьевич отогнал дурную мысль как назойливую муху. В конце концов, его сын был взрослым мужчиной и мог не поднять трубку по своим причинам, а как освободиться – обязательно перезвонит.

Профессор закрыл ключ на кабинет и стал переодеваться. Близились начало рабочего дня и нужно было привести себя в порядок.

Тринадцатого августа, во вторник, Павел Ковалёв, тридцатидвухлетний мужчина, как всегда, работал в автомастерской. Это была большая постройка в промзоне, состоящая из нескольких блоков и большой стоянки для автомобилей. Внутри кипела работа: три подъемника были подняты и мужчины занимались ремонтом машин. Ещё две машины стояли в стороне, ожидая своей очереди. Паша закончил осмотр вместе с двумя работниками новомодной машины, которая со слов водителя «стала стучать откуда-то снизу», и пошёл в сторону машины, стоявшей на парковке. Старый мерседес, привезённый часом ранее, был поцарапан, и Паше предстояло перекрасить кузов, так, чтобы этого не было заметно. Рядом с ним вертелся Денис – парень, который работал в мастерской всего месяц. Только Паша принялся за работу, как к нему и Денису подошёл другой работник – молодой парень, стажёр, Саша. Он был болен: парня мучал кашель, он вытирал нос тыльной стороной ладони, а на лбу проступала испарина. Выглядел Саша очень плохо.

— Ты чего? — спросил Паша, бросив на него беглый взгляд, а затем снова отвернулся к машине.

— Да хрен его знает. Голова трещит, это просто... — Саша приложил руку к голове, показывая, как боль окутала голову по окружности. — И суставы крутит.

— Так позвонил бы и не приходил.

— Да я из дома вышел, нормально всё было, — Саша вытер сопли скомканным бумажным платком. — А по дороге сюда всё это началось.

— А на выходных чего делал? Как ты вообще заболел в августе? — Паша обходил машину, осматривая весь кузов на наличие царапин.

— Я у бабки своей в деревне был, работу всякую делал. Может, продуло на сквозняке? — предположил Саша, а потом добавил: — Прикинь, колол дрова и в это время меня крыса какая-то укусила. Как я её вообще не заметил, чёрт знает. Я думал само пройдёт, а бабка моя как начала верещать, что я бешенство подхватил... В общем, поехал после этого в травмпункт, перевязали меня и прививку мне поставили, — рассказал Саша и снова громко высморкался в мокрую салфетку.

— Хорошо хоть так. Ну ты иди домой, а я Стасу передам, что ты заболел.

— Блин, он снова начнёт ныть, что я его заражу... — усмехнулся Саша.

Стас был начальником автомастерской и больше всего на свете боялся подхватить простуду. Он был уверен, что из-за всех, кто ходит по улице с насморком, его постигнет та же участь. Стас постоянно говорил, что его ждёт летальный исход во время вспышек сезонного гриппа и всячески себя оберегал от любой угрозы здоровью.

На следующий день Саша на работу не пришёл. Он сам связался с начальником, и совершенно не приукрашивая свои жалобы, признался, что заболел и ему становится всё хуже.

— Бери больничный и приходи как оклемаешься, — распорядился Стас, вальяжно расхаживая вокруг работающих мужчин у машин.

Паша, услышав этот разговор, выпрямился и внимательно посмотрел на начальника. Стас в это время положил трубку, оглянулся на всех работников, и грозно напомнил всем, чтобы никто не смел приходить больным на работу. Затем, закончив рассуждать о личной ответственности каждого перед обществом, он снова набрал номер Саши и громко, так, чтобы было слышно всем присутствующим, запретил приходить в автомастерскую без справки от врача.

Но на третий день Саша всё же пришёл. Его встретили работающие мужчины. Саша медленно вошёл в автомастерскую. Когда мужчины оглянулись на него, они увидели его серую кожу и блуждающий взгляд, который перемещался с одного на другого мастера. С рта текла слюна, пачкая майку, но парень не обращал на это внимания. Кто-то тут же шёпотом уточнил, нет ли Стаса рядом, и в ответ последовало, что он ещё не приехал.

— Ты чего пришёл? — спросил один из работников, Антон, когда Саша приблизился к нему.

Вместо ответа Саша приоткрыл рот и издал хрип. От этого звука у всех заскрежетало в ушах — звук был похож на хрип призрака из популярных фильмов ужасов.

— Сань, ты чего? — удивился другой парень, Василий.

Василий оторвался от работы, и вытирая руки ветошью, подошёл к Саше и Антону. Он участливо посмотрел в лицо вошедшего и теперь, Саша, глядя на Василия, издал тихий звук: «По...моги».

Дальше всё закрутилось: присутствующие бросили работу, мужчины отправили Сашу в комнату отдыха, где он прилёг на диван. Кто-то вызвал скорую помощь, но врачи долго не ехали. В течении двух часов работники по очереди звонили и вызывали медиков, но диспетчер в трубке лишь отвечала: «Ждите, много вызовов». В это время мужчины пытались работать, по очереди проверяя, как себя чувствует Саша. Благо, Стас ещё не приехал. Домой отправлять болезненного парня никто не решался — так он плохо выглядел, что казалось, вот-вот рухнет на землю и не встанет.

— Мужики, Сане всё хуже, — заметил Василий, после очередной проверки «пациента» в комнате отдыха. — Может, сами его в больничку отвезём?

— Может, домой его отправим и пусть сам разбирается? — первым предложил Антон мысль, которая у многих вертелась на языке.

— Да не по-человечески это, что ли...

С улицы раздался звук трения шин об асфальт, а через минуту в автомастерскую зашёл Станислав. Он только приехал и хотел распорядиться о разгрузке шин, как увидел, что ни один из работников не занят делом. Четверо стояли скучковавшись в центре мастерской и переговаривались. Самый пожилой из работников, Геннадий, сидел у порога и томно курил. Чаще всего, увидев начальника, Геннадий тут же тушил сигарету, так как по негласному правилу он мог продолжать свой ритуал только если вся работа была сделана. Но сейчас, окинув взглядом машины, Станислав убедился, что работа не закончена. Только двое работников лениво протирали фары, но даже со стороны было ясно, что они больше болтают.

— Чего вы тут собрались? — непонимающе спросил Станислав.

Он редко разговаривал спокойно, чаще его голос был высокомерным и чуть повизгивающим. Стас полагал, что, являясь начальником автомастерской в промзоне, он к тому же и благодетель, без которого мужики сидели без работы. Но сейчас он и вправду не понимал, что происходит.

— Сашка пришёл, — первым заговорил Паша, и отбросил тряпку в сторону.

— Сашка? Справку принёс? — Станислав снял чистую рубашку, оставаясь в майке. — А где он?

— Ему хуже, — ответил Василий. — Думаем, надо в больницу его везти.

— А чего он пришёл? — лицо Станислава тут же покраснело, а голос поднялся на тон выше, от чего последующие фразы прозвучали совсем по-детски: — Я же ему сказал! Я же просил!

Будто ответом на его крик, из комнаты отдыха раздался дикий вой, такой, что у мужчин заложило уши. Начальник автомастерской застыл в изумлении глядя в сторону закрытой двери. С его губ сорвалось грязное словцо, выражающее неподдельный ужас от услышанного.

— Это что ещё за...? — пробормотал он, не решаясь сдвинуться с места.

Антон, мужчина средних лет, первым решился посмотреть, что произошло и вбежал в комнату. Никто не последовал за ним, но спустя пару секунд Антон выскочил оттуда, громко ругаясь матом и прижимая ладонь к голове. Сквозь пальцы к его локтю текла кровь, капая на пол.

— Этот урод мне ухо откусил! — взвыл Антон, оставив дверь комнаты нараспашку.

— Это бешенство! — заорал Денис, работавший в автомастерской всего месяц. — Он рассказывал, что его крыса укусила!

— Или психоз! — вмешался Геннадий, без спешки потушив окурочок о землю. — Поговаривали, ему жена изменила...

— Звоните в скорую! — Стас схватил первую попавшуюся тряпку, намереваясь приложить её к голове Антона, но увидев кровотечение, лишь протянул её сотрудику.

Пока некоторые снова начали звонить в скорую, а Паша помогал Антону расположиться на шинах, сброшенных в сторону, Василий следующим подошёл к комнате, чтобы проверить Сашу. Он заглянул внутрь, не переступая порог. Ему хватило двух секунд, оценить обстановку и тогда схватив ручку двери, он с грохотом захлопнул хлипкое полотно.

— Вот это трндец! — крикнул Василий. — Ключ дайте!

— Какой ключ? — уточнил Денис.

— От комнаты! Закрыть его надо! — Василий тут же забыл о гуманности. — Он на меня хотел наброситься! Рот весь в крови, и кажется, он жевал...

Василий, продолжая держаться за дверную ручку, обернулся на Антона, который в это время показывал голову Павлу. Станислав стоял в стороне, зажимая рот ладонью. Начальник теперь побледнел и казалось, его сейчас вытошнит. В Антону и Паше приблизился Геннадий и заглянул в рану на голове мужчины.

— Ай, подумаешь, — махнул рукой Геннадий, посмотрев на Антона. — Половины уха нет. Ничего страшного. Это не самое важное для мужика.

— Ключ! — напомнил Василий.

Он крепко держал дверь, хотя с той стороны не было попыток открыть её. Во всей суете никто не заметил, как в комнате отдыха наступила тишина. Станислав, признавшись, что ему плохо, ушёл в свою комнату, откуда вскоре раздались звуки, подтверждающие, что завтрак покинул желудок.

Спустя полчаса всё же приехала карета скорой помощи. Медики внутри машины были уставшие и недовольные. Вместе с фельдшером уже были санитары психиатрической бригады, будто уже было известно, что есть кто-то буйный. Фельдшер скорой помощи обработала рану Антона, и предложила ему поехать в больницу, чтобы наложить швы. Во время обработки, медработник в синем костюме пояснила, что в городе будто с ума все посходили. Она рассказала, что в аптечке уже закончились сильные успокоительные, предназначенные для агрессивных пациентов, а машин скорой помощи не хватает и придётся везти двух пациентов по разным больницам в одной «скорой». В это время, двое крупных санитаров схватили с обеих сторон обезумевшего Сашу.

— Этот такой же, — на ходу сказал один из санитаров фельдшеру, таща Сашу к машине.

Когда Сашу зафиксировали к носилкам, а в противоположной стороне от носилок посадили Антона, их повезли в больницу, заранее дав указание, чтобы работники сообщили их семьям об этом инциденте. Мужчины остались в автомастерской одни, предполагая, что начальник больше не выйдет из своего кабинета.

Работа дальше не шла. Мужчины нервно курили, и обсуждали произошедшее. Тем временем, Паша вышел на улицу и осмотревшись по сторонам, убедился, что его никто не видит. Он поднял тент и закинул в кузов тёмно-синего пикапа свои рабочие инструменты. Это были его личные вещи, и как правило, он оставлял их в автомастерской, но в этот раз интуиция подсказала ему, что нужно забрать их.

— Ну что, мужики... — робко начал Василий, вечно желавший отлынивать от работы.

— Даже не думай, — строго одёрнул его Геннадий. — Две тачки дочиним, и по домам. Паша, а ты куда собрался?

— До магазина съезжу, и вернусь, — соврал Паша.

Он не собирался сегодня возвращаться, но коллегам было ни к чему об этом знать. В конце концов, подумал Паша, каждый сам за себя, а начинать панику он не хотел.

— Сигаретыхвати, — бросил ему Геннадий. — Я деньги тебе отдам как разменяю.

— Ладно, — согласился Паша.

Павел сел в машину и перевёл дыхание. Все эти дни он видел новости, которые заполнили весь эфир. Только вот никто ещё не показывал таких людей. И Саша, по мнению Павла, не был похож на сумасшедшего или пьяного, или ещё какого... Саша был болен, и что-то подсказывало Паше, что это необратимо.

Мужчина повернул ключ зажигания, и после того, как мотор зарычал, он направился дальше от мастерской. Выезжая с промзоны, первым делом он позвонил родителям, но трубку никто не поднимал. Паша то и дело набирал номер то матери, то отца, но с каждым гудком в душу закрадывались опасения. Сейчас он жалел, что не виделся с родителями несколько месяцев, а последний телефонный звонок матери был неделю назад.

Мимо, по дороге, проносились кареты скорой помощи и полицейские автомобили с включенными маячками. То и дело через рупор проносилось требование сместиться вправо, чтобы освободить дорогу. В другой день, Паша уже свернул бы на объездную улицу, чтобы не стоять в пробках, но сейчас все его мысли были заняты тем, что он увидел. Перед глазами стоял серый Саша и окровавленный Антон. Паша вёл машину автоматически, по знакомой дороге, не пытаясь обдумать другой путь. До родительского дома было ехать около часа.

Павел Ковалёв, второй ребёнок в семье простого рабочего и медсестры, не любил возвращаться в отчий дом. В отличие от своего старшего брата, Евгения, он был плохим сыном – бунтарь, который спорил с отцом, расстраивал мать и с самого детства был тем мальчиком, на фоне которого Евгений Ковалёв выигрышно выделялся.

Между братьями была разница в возрасте почти в одиннадцать лет. Евгений рос тихим послушным сыном, с первого класса – отличник, а позже красnodипломник. Будучи юношей, он читал книжки и не создавал проблем родителям. Евгений без особых препятствий поступил в университет, закончил его с лёгкостью и стал рядовым инженером. Но долго он на одной позиции не задерживался и вскоре стал подниматься по карьерной лестнице, перепрыгивая ступеньки, после чего занял кресло заместителя начальника. Это факт особо заставлял родителей гордиться старшим сыном. В студенческие годы Евгений встретил свою будущую жену – Веронику, утончённую девушку с высоким чувством прекрасного из приличной семьи, и долго думая, после трёх лет отношений, сделал ей предложение. Родители, друзья и близкие знакомые радостно гуляли на их свадьбе, но уже тогда, на свадьбе, Паша был единственным гостем, который знал, что брата поторопило неожиданное событие. Не случись незапланированной беременности – возможно, Евгений ещё дольше думал бы, достойна ли Вероника быть его женой.

Тем временем, Паша, который родился в семье Ковалёвых, когда брат Евгений перешёл в пятый класс, рос непоседливым мальчишкой, чья наглость и характер повергали учителей в тихий ужас. Помня, каким прилежным был старший мальчик, они ожидали такого же послушания от младшего. Но Паша был другим. Его детство и юность были наполнены прогулами школьных уроков, драками со сверстниками и постоянными влюблённостями в девчонку, которым нужно было его внимание. Паша, делавший упор на физическую силу и харизму, рос с крепким чувством того, что сам знает, что есть хорошо, а что плохо, что он сам себе указ и никто не может помыкать им, как старшим братом. Ко всему прочему брата он считал «зубрилой». Окончив девять классов, Паша поступил в техникум, где получил рабочую профессию. «Ну, хоть так, не пропадёшь» — смиренно согласился его отец, проработавший всю жизнь руками и желавший сыновьям не такой судьбы, какая была у него самого.

Последний раз, когда Павел виделся с родителями, а было это несколько месяцев назад, в семье снова разгорелся спор. Родители в очередной раз стали отчитывать младшего сына за образ жизни, за то, что он никак не остепениться и занимается какими-то глупостями.

— Ну да, в семье не без урода, — хмыкнул в том разговоре Паша.

— Павел, мы с матерью тебе всё! А ты... — отец с досадой махнул рукой.

— Да знаю я это, пап!

— Ты неблагодарный! — в разговор встряла мать. — Всегда был сам себе на уме, даже не думал, что о нас говорят соседи!

— Вот уж на соседей мне больше всего... — Паша хотел выругаться, но вовремя прикусил язык.

— Вот Женька... — мать начала свои вечные причитания, пока отец хмурил брови.

— Женька это, Женька то... — Паша перебил её, скривив лицо. — Женька самый лучший, это я тоже знаю. Мам, пап, я поеду. Надоели мне эти разговоры.

Последнюю фразу он уже крикнул им из коридора, натягивая кроссовки. Не успел он выйти, как мать появилась на пороге гостиной.

— Сын, возьми собой, — мать вышла в прихожую, протягивая свёрток бумажных полотенец, с проступающими маслянистыми пятнами, в прозрачном пакете. — Думала пообедаем, по-семейному...

— Не хочу, — буркнул Паша, открывая дверь.

— Павел! — мать схватила его за рукав кожаной куртки.

Паша обернулся. Он посмотрел на мать, в глазах которой стояли слёзы.

Он не хотел её расстраивать. Она уж точно не была виновата, что у него всё сложилось не так, как у Евгения. Паша принял из рук матери еду, и сунув свёрток в карман куртки, застегнул молнию. После чего поцеловал мать в щёку.

— Прости меня.

— Приезжай к нам почаще. Я по тебе скучаю.

— Ладно, — Паша вышел во двор родительского участка.

Отец так и не вышел с ним попрощаться. И его как раз Паша понимал – он бы сам не вышел попрощаться с человеком, доводящим его до белого каления. Мать встала на пороге и только сейчас заметила, то, что пугало её в самых страшных снах.

— Что это? — ахнула она, прижимая ладонь к губам.

За воротами её дома стояла причина того, что сын экономил последние года, его давняя мечта - новый мотоцикл. Женщина с ужасом смотрела на технику, надеясь до последнего, что это не Паши.

— Байк, — коротко ответил Паша, усаживаясь на него сверху.

— Ты с ума сошёл? Убиться хочешь?! — воскликнула мать.

— Так, мама, не начинай, — распорядился Паша.

Он надел на голову шлем и заведя мотоцикл, еще раз посмотрел на мать. Она так и стояла у порога, прижав ладони к губам. Понимая, что оставаться нельзя, что если сейчас заговорить, то начнётся новая волна споров, Паша махнул матери рукой на прощание и через пару секунд скрылся за поворотом, оставив её в недоумении.

Когда Паша прибыл к дому родителей в старом дачном посёлке, он бросил пикап на обочине дороги, даже не блокируя двери. На улице стояла тишина, только где-то неподалёку открытая калитка билась об ворота от дуновения ветра. Паша прошёл вдоль забора и приблизившись к родительскому дому, прошёл в глубь участка. Первым делом он направился в теплицу, где на гвоздике должны были висеть запасные ключи от дома, но ключей не было. Паша просмотрел землю под гвоздиком, затем осмотрел уличную веранду. Нигде не было ключей. Тогда он решил стучать в двери, но приближаясь к дому, заметил движение в окне.

Мать и отец Паши стояли у окна, проводя пальцами по стеклу. Они видели сына, но не узнавали его. Они выглядели также, как заболевший Сашка, даже несколько хуже: с серой кожей, резко похудевшие, а стекло перед их лицами было испачкано слюнями. Паша застыл на месте, смотря перед собой. Его мать била кулаком по стеклу. У неё на плече зияла рванная рана, а её одежда была испачкана в бурых пятнах. Рядом с ней стоял отец. Он то и дело мотал головой, от чего из его рта вылетали капли слюны, опускавшиеся на стекло. Руки отца, прижатые к стеклу, тоже были ранены.

Паша подошёл ближе к окну и приглядевшись, увидел на шее отца веревочку, на которой вместо кулона висели запасные ключи. Теперь он понял, что его родители всё знали и забрали ключи, чтобы ни один из сыновей не попал в дом.

К горлу подступил комок, и Паша сплюнул на землю, чтобы чувство тошноты не мучало его. Отойдя от окна на несколько шагов, он набрал номер брата. Пока Паша ждал ответ, он повернулся спиной к окну, но шум кулаков по стеклу не давал покоя, и он то и дело оглядывался.

— Слушаю, — Женя поднял трубку.

— Жень, — голос Паши был ровный, будто он не смотрел сейчас на раненых родителей.

— Я сейчас у родителей. Дверь заперта, ключа на месте нет, но ключ у отца. В окно вижу – они внутри. Серые, слюни пускают. У мамы рана на плече, у отца - руки. Отец ключ повесил на себя, чтобы мы не зашли. У меня на работе один раненный напал на другого.

Паша услышал тяжелый вздох в трубке.

— Я тебя понял... — голос Евгения дрогнул на секунду, но тут же вернулся в спокойный тембр. — У нас тут похожая картина: Борис, сосед, судя по всему, стал таким же... Только его уже скорая забрала в больницу. Пашка, приезжай ко мне, здесь безопаснее, чем в твоей квартире, — внезапно предложил Евгений.

— Я должен забрать Мишу и Иру. И Роме надо позвонить.

Паша помнил о тех, кто были ему ближе брата – о своих друзьях. С Мишей и Ромой он жил в одном дворе, когда семья Ковалёвых ещё жила в городе. Они были сверстниками, и несмотря на то, что мальчишки были разными, их связывало много общих событий. Ира же была женой Миши, и она быстро влилась в компанию.

Евгений в очередной раз тяжело вздохнул, и Паша понял по этому вздоху, что брат закатил глаза. Уж кого-кого, а друзей Паши он не очень приветствовал. Не потому, что они были плохими людьми, а потому что такие приличные люди как они выбрали дружить с Пашей. Родственников не выбирают, это известно, но Паша то им не семья...

— Забирай их и приезжай, — предложил Евгений. — Места на всех хватит.

— Ладно, жди. Спасибо.

Паша не был удивлён. Женя всегда был такой сдержанный, ничего его не трогало. Весь в своих планах, вёл какие-то списки, его как не спроси – он всегда знал, что будет делать на выходных, в календаре вёл график работы, Костю к врачу за месяц записывал, будто знал когда ребёнок будет болеть. И сейчас он был такой немногословный, вроде как, всё уже знал.

Мужчина пошёл к машине. Закрывая калитку, он только сейчас увидел лежащий на земле клочок бумаги. Он поднял его и стал читать: *«Дети, к нам не заходите! Мы забрали ключ. На нас напали соседи, теперь они где-то здесь. Не стали вам звонить, чтобы вы сюда не неслись. Уезжайте! Мы вас любим!»*. Паша посмотрел по сторонам, затем перечитал записку ещё раз.

Сжимая в руке обрывок листа, он вернулся к машине, сел в пикап и схватился за руль. Паша уставился на пустынную дорогу перед собой. Мысли крутились в голове: *Саша, напавший на Антона. Родители, запертые в доме. Записка, в которой было написано, что соседи напали. Он посмотрел ещё раз на бумагу, которую всё ещё сжимал в руках. Сашу укусила крыса. Саша укусил Антона за ухо. На родителей напали соседи.*

Слёзы потекли по его щекам. Здесь, в машине, его никто не видел, и он дал волю своим чувствам. Павел точно понимал: родителей больше нет. То, что он сейчас увидел в окне старого дома – не его родители. Оболочки, существа, мертвецы, назови, как угодно, но это были не его мама и папа.

Он не знал сколько времени просидел так, глядя перед собой и утирая скупые слёзы. В голове он прокручивал последнюю их встречу. Он даже не помнил, из-за чего начался тот конфликт, но помнил, что сбежал от разговора, лишь бы не слушать родителей. Сейчас ему было невероятно стыдно. Из раздумий его вырвал звук пришедшего сообщения. Он взял телефон, увидел несколько пропущенных звонков с работы и сообщение от Дениса: *«Ты где?»*. Паша поставил телефон на подставку на приборной панели и снова завёл пикап, медленно разворачиваясь, чтобы вернуться в город. Сейчас нужно было действовать: снять все деньги с карты и закупить продукты. А еще нужно было заполнить полный бак на машину и байк. И позвонить ребятам.

По пути он набрал Мишу, лучшего друга:

— Ты на громкой связи. Говори, — судя по тону, Миша тоже был за рулём.

— Что-то происходит, — бросил Паша, не вдаваясь в подробности.

Он был уверен, что Миша поймёт о чём речь.

— Даже поучаствовали, — Ира откликнулась в телефоне, — у нас тут такое произошло...

— У нас на работе тоже, — перебил её Паша. — А сейчас я еду от родителей. Они такие же теперь. Значит так, собирайте вещи. Я заеду за вами и поедем к Женьке за город. Оттуда будем решать, что дальше делать.

— Договорились, — быстро согласился Миша. — Ты звони Роме.

— Ладно.

Он положил трубку. На удивление, Миша даже не стал советоваться с Ирой. Видимо, дела были плохи и друзья, работавшие в больнице, знали это лучше, чем он.

Глава 6

Глава 6

Михаил и Ирина Кайгородовы были женаты почти два года. Они познакомились, когда учились в медицинском университете, на педиатрическом факультете. Миша был на два года старше Иры, и влюбившись в студентку, встреченную в одной из больниц на летней практике, не стал терять время. Их обоюдные чувства вспыхнули почти одновременно, быстро развивались и не прошло и года, как они сыграли скромную свадьбу. К тому времени Ира заканчивала университет, а Миша готовился сдавать экзамены после ординатуры. В родной город Миши они вернулись вскоре после летних экзаменов. И теперь, когда девушка продолжила учёбу в чужом ей городе, а Миша устроился работать в детскую областную больницу, они приобрели квартиру и стали обустраивать жильё, строя самые обычные, земные, планы: родить детей, жить, работать, вместе состариваться. План, проверенный миллионами людей со всего мира.

Они и предвидеть не могли, что однажды, пятнадцатого августа, в день, который позже в народе назовут «Чёртов четверг», их жизнь изменится и самым обычным планам будет не суждено сбыться.

В этот четверг Миша работал в отделении терапии, где занимал должность врача. Был обычный день, заполненный рутинной работой: обход пациентов, назначение лечения, беседы в ординаторской и консультации в других отделениях. Миша с лёгкостью справлялся со своей работой. В отделении было тихо, половина палат пустовала, что не могло не радовать врачей. Они все слышали о происходящем в городе и знали, что у коллег, работающих в хирургии и в приёмных отделениях – аврал, но здесь, в терапии, было пустынно.

Миша заполнял медицинскую документацию в тот момент, когда позвонили на дежурный телефон ординаторской.

— Слушаю.

— Приёмное отделение беспокоит. Нам нужен терапевт, на консультацию.

— Иду.

Михаил отложил бумаги в сторону, и взяв из вещей только ручку и телефон, покинул кабинет. В приёмный покой, куда доставляли экстренных пациентов, редко вызывали терапевтов, но всё же необходимость иногда возникала. Михаил не любил туда спускаться: в приёмном покое часто царила суета, было много плачущих детей и обеспокоенных родителей.

Он спустился по лестнице до первого этажа, прошёл мимо грузовых лифтов и толкнув стеклянные двери, вошёл внутрь помещения. В помещении стоял гул, состоящий из множества голосов. Медработники носились из кабинета в кабинет, регистратура заполняла бумаги, а дети и родители ожидали, когда их пригласят для осмотра. Это был обычный рабочий день врачей и медсестёр приёмного отделения областной детской больницы. Миша с грустью оглядел происходящее и направился к регистратуре, чтобы сообщить о своём прибытии, как в этот момент чьи-то цепкие пальцы сомкнулись на его локте. Миша, вздрогнув от неожиданности, обернулся и тут же выдохнул. Перед ним стояла заведующая хирургического отделения, - красивая и строгая врач. Она, не дав Мише сказать ни слова, потянула его в сторону, затягивая за собой в один из смотровых кабинетов.

— Вы меня вызывали? — удивлённо спросил Миша.

Хирурги редко нуждались в консультациях терапевтов в приёмном покое. При отсутствии хирургической патологии они сразу перенаправляли маленьких пациентов в другие отделения.

— Нет, вас вызывал Андрей Игоревич, но здесь тоже интересный случай, — врач толкнула Мишу внутрь кабинета и тут же закрыла дверь за собой. — Михаил Александрович, вы такое видели когда-нибудь?

В смотровой их уже ожидали дежурный врач приёмного отделения, медсестра, ребёнок, отец пациента и полицейский, который заполнял протокол. «Полицию вызвали... Значит что-то жуткое.» - подумал Миша и подошёл к койке. Он ожидал увидеть что-то угодно, из-за чего могли вызвать сотрудника полиции. Миша приблизился к койке и затаив дыхание, посмотрел на пациента.

На кровати лежал мальчик лет семи. Его тело было накрыто одеялом, несмотря на дуновение горячего воздуха сквозь открытые окна. Мальчик поднял глаза на подошедшего врача, и ничего не сказав, отвёл взгляд в сторону, на отца. Пациент был бледный, а вытянутые вдоль тела руки были покрыты укусами. Миша наклонился над мальчиком. В палате все затихли, было слышно только как сотрудник водит ручкой по бумаге и шум города, доносящийся из открытого окна. Где-то вдалеке залаяли собаки.

Миша долго всматривался в раны на руках пациента, и только рассмотрев их поближе, он осознал, кто нанёс эти раны. Он резко развернулся к заведующей хирургического отделения и спросил:

— Кто это сделал?

Женщина сложила руки на груди, а полицейский перестал писать. Он, не отрывая ручки от протокола, совершенно не двигаясь, поднял глаза и посмотрел на Мишу в ожидании дальнейших действий. Миша посмотрел на отца пациента. Он был такой же бледный, его глаза бегали по стенам, пытаясь найти деталь, за которую можно было зацепиться взглядом. На предплечье мужчины виднелась повязка, пропитанная кровью. Встретившись с Мишей взглядами, мужчина обхватил себя руками и стал медленно качаться из стороны в сторону. В это время в комнату осмотра зашёл ещё один хирург с медсестрой для осмотра маленького пациента. Никто не обратил на них внимания, кроме полицейского. Вошедший хирург представился, после чего подошёл к ребёнку и тоже стал осматривать его. Воспользовавшись случаем, Миша отошёл в сторону, уводя за собой заведующую отделения.

— Зачем вы привели меня сюда? — шёпотом спросил Миша.

Женщина, не отводя взгляда от действий коллеги, так же шёпотом ответила:

— За сегодняшний день в приёмного отделения это четвёртый ребёнок с укусами, нанесёнными человеком. Вы знаете, Михаил Александрович, случаи нападения животных... Мягко говоря, участились.

— Да, но... — Миша хотел заметить, что это вовсе не собачьи укусы на руках мальчика, но в этот момент заведующая оторвала взгляд и посмотрела на него.

— Отец пациента рассказал, что несколько дней назад он и его жена были укушены своей уличной собакой, — произнесла она шёпотом, глядя Мише в глаза. — Они побывали в травмпункте, их раны обработали и отпустили домой. А сегодня утром, пока он перевязывал свою рану в ванной, случилось это... Отец оставил мальчика с матерью, и она напала на сына.

— А у него рана от укуса собаки? — Миша кивнул в сторону отца.

— Утверждает, что да. Но от осмотра отказывается, — сказала хирург, а затем махнула головой в сторону полицейского. — А теперь вот, полиция здесь. Очередной ребёнок пострадал. Будут разбирательства.

Миша замолчал. Врач, осматривающий ребенка, стал спрашивать у полицейского, когда можно будет госпитализировать пациента в отделение. Заведующая хирургического отделения тоже смотрела на них, слушая разговор.

— Что от меня требуется? — спросил Миша.

Женщина немного подумала, а затем обернулась к нему и приблизившись, заговорила едва слышно:

— Необходимо обеспечить безопасность детей в вашем отделении. И быть готовым к любому повороту событий.

Миша на секунду застыл, а потом ответил ей так же едва слышно:

— Вам что-то известно?

В этот момент к ним обернулась медсестра, стоявшая до этого неподвижно. По взгляду девушки было понятно, что она подслушивала разговор. Заведующая обернулась на неё, шикнула, чтобы та занялась работой и снова повернулась к Мише. Она только хотела сказать, какие слухи слышала всего час назад, как их внимание снова отвлекли. Отец мальчика перестал качаться и застыл, уставившись взглядом в пол. Хирург, проводящий осмотр, намеревался готовить пациента к транспортировке, но также отвлёкся на отца.

С кончика подбородка мужчины упала капля мутной жидкости на чистый вымытый пол. Затем вторая, третья. И вот уже тонкая струйка слюны непрерывно текла из полуоткрытого рта. Раздался тихий хрип.

Врач и медсёстры одновременно оглянулись на заведующую хирургического отделения.

— Мужчина? — женщина подошла к отцу пациента и положила руку ему на плечо. — Мужчина, как себя чувствуете? Посмотрите на меня! — её голос был жёстким, профессиональным.

Отец пациента поднял лицо по приказу хирурга. Его кожа была серо-землистого цвета, по подбородку текла слюна, а глаза - мутные, словно их накрыли полиэтиленовой плёнкой. Он издал звук, похожий на тихий скулёр, а затем прохрипел: «Жена...так...же». После этого снова раздался хрип, как будто в лёгких не хватало воздуха.

— Он паникует, — предположил врач, застывший возле мальчика.

Заведующая попыталась успокоить мужчину. Она растирала его плечо ладонью, и наклонившись к нему, уверяла, что в этой ситуации разберутся, а его сын поправится. Она говорила, что мужчине не стоит сомневаться в возможностях врачей и что она возьмёт этот случай под личный контроль. Отец пациента затих. И в тот момент, когда казалось, что он успокоился, когда снова наступила тишина и врач, проводивший осмотр, наконец потребовал дать ему возможность приступить к госпитализации ребёнка, случилось неожиданное. Заведующая хотела убрать руку с плеча мужчины, но как только её пальцы оторвались от ткани его футболки, мужчина схватил больной рукой кисть врача и спустя доли секунды резко укусил её за ладонь.

— Ай! — только и вскрикнула женщина, одёргивая руку в сторону.

Она сделала шаг назад и посмотрела на ладонь: рванная рана, из которой быстро текла кровь. Рана была такой глубокой, что из-за крови не было видно какие структуры задеты. Женщина быстрым движением схватила бинты с процедурного столика и принялась самостоятельно забинтовывать ладонь для остановки кровотечения. Рядом с ней тут же оказался полицейский.

— Не двигаться, — приказал он мужчине, доставая табельное оружие из кобуры.

Заведующая, обматывая кисть слоем бинтов, подняла глаза на укусившего её мужчину. Она, чувствуя пульсирующую боль в руке, хотела что-то сказать, закричать, но взгляд безжизненных глаз, который буравил её, поверг в ещё больший ужас. Мужчина поднялся на ноги и теперь он стояли так близко, что женщина чувствовала зловонное дыхание, которого ранее не было.

Миша сделал шаг вперёд, намереваясь помочь коллеге, но столкнулся с медсестрой, делавшей шаг назад, подальше от происходящего.

— Сядьте обратно, — приказал полицейский мужчине. — Доктор, отойдите!

Последняя фраза была адресована заведующей хирургии. Но никто не успел ни выполнить приказ, ни сориентироваться в обстановке. Отец пациента, внезапно для всех, игнорируя полицейского, стоявшего рядом с женщиной, набросился на неё. Он повалил врача на землю и снова укусил, на этот раз в шею. Врач истошно закричала от боли. Её руки сжимали плечи нападавшего, и она пыталась его оттолкнуть, но казалось, что всё это бессмысленно, будто толкала она стену, а не живого человека.

Вокруг всё мгновенно всколыхнулось: полицейский направил пистолет на мужчину, стал кричать, чтобы тот прекратил и лёг лицом в пол. Хирург, осматривающий ребёнка и требовавший, чтобы ему не мешали, схватил маленького пациента, передал его в руки медсестре и распорядился, чтобы она несла его в отделение хирургии, где ему помогут.

— Быстро уноси его. Найди палату и позаботься.

Медсестра, подхватив тощего мальчишку, тяжело вздохнула, но ухватив ребёнка покрепче, выбежала из палаты. Другая медсестра, которая до этого пыталась отойти в сторону, молодая девушка, только закончившая училище, бросилась на помощь своей начальнице. Она обогнула полицейского и оказавшись сзади нападающего, ухватила за ворот его футболки и потянула на себя. Медсестра закричала что было мощи в её тоненьком тельце, чтобы он немедленно прекратил. В тот же момент, мужчина поддался рывку и обернувшись, переключился на медсестру. Он, не поднимаясь на ноги вцепился зубами ей в живот, и теперь вторая женщина в этом кабинете закричала.

Миша не успел ничего сделать, как в помещение стали забегать медработники, привлекаемые криками пострадавших и полицейского, который продолжал требовать повиновения. Люди набивались в маленькую комнату как посетители магазина в день распродажи, толкая друг друга и пытаясь разглядеть, что же делается в том углу помещения.

В конце концов, Миша, вытесняемый зрителями, стал пятиться назад и что-то в нём переключилось. Он сразу понял, что женщинам больше не помочь, а медработников в палате стало так много, что без него точно обойдутся. Выбравшись в общий коридор, он быстрым взглядом обвёл пациентов, прибывающих самостоятельно или на каретах скорой помощи: дети и их родители были с рванными ранами, прижимали к себе повязки, многие были бледными. Кто-то кричал и плакал, кто-то из родителей прижимал к себе малышей, пытаясь их успокоить. Одна из администраторов регистратуры вытирала испарину со лба перевязанной рукой. Медсестра неподалёку от неё рассказывала другой, как накануне её укусила уличная кошка и пришлось ставить антирабическую вакцину.

Миша, стараясь не привлекать внимания, пошёл быстрым шагом прочь из приёмного покоя. Спустя пару секунд, как он выбрался из комнаты осмотра, там раздался выстрел. Посетители вскочили со своих мест и прижимая детей к себе, стали переглядываться, не понимая, что происходит. Администраторы регистратуры о чём-то переговорили и тут же принялись отгонять людей от кабинета, предлагая им расположиться на сидениях.

— Там сотрудник органов правопорядка! — донеслось до ушей Миши, когда он уходил из приёмного отделения. — Там полиция! Не о чем беспокоиться...

Но говорившую администратора прервали: из помещения выбежали все те, кто там находился и с криками стали бежать в разные стороны.

Миша, оглянувшись напоследок, увидел бросившихся в рассыпную людей и ускорился. Он шёл так быстро, что вскоре понял, что перескакивает через ступеньку по лестнице. Поднявшись на четвёртый этаж отделения терапии, Миша зашагал по длинным коридорам, где за каждым поворотом была обычная больничная жизнь: медсёстры выполняли перевязки, санитарка катила тележку с бельём, дети в палатах играли, родители общались с врачами... Они все ещё не знали, что в приёмном покое уже начался хаос. Он отчеканивал каждый свой шаг, пытаясь идти, а не бежать, и даже не задумывался о том, чтобы предупредить остальных, ведь знал, что ему не поверят.

Миша влетел в ординаторскую, где ещё три врача пили чай, уставившись в мониторы компьютеров и бумаги на столе. Они оформляли документацию, перекидываясь друг с другом новостями и планами на выходные. Когда Миша влетел в помещение, они все обернулись на него.

— Миша, ты чего? — спросил молодой врач с козлиной бородкой.

— Там... — сейчас Миша почувствовал, как одышка накатила, и он не может вдохнуть полной грудью, — там... внизу...

Миша махнул рукой в сторону, показывая, что ему нужно отдышаться. Вместо того, чтобы рассказать о произошедшем, он вытащил телефон из кармана медицинского халата, и дрожащими руками набрал номер Иры. Она на тот момент уже второй месяц как работала в детской инфекционной больнице, находящейся в нескольких кварталах от его места работы. Один гудок, второй, третий... Ира не отвечала.

— О, муж пишет, — сказала одна из врачей, чей супруг работал в другой больнице, во взрослой реанимации. — У них полицию вызвали, какой-то сумасшедший встал, снял с себя все катетеры и датчики, а потом вцепился в соседа, рядом лежащего. Дурдом какой-то.

Женщина небрежно бросила телефон на стол и продолжила заполнять бумаги.

Миша второй раз набрал номер Иры, снова шли гудки. Миша уже начал терять самообладание, как вдруг на том конце послышался щелчок, и Ира ответила. Девушка, без всяких приветствий, заговорила быстро и шёпотом:

— Миша, я закрылась в ординаторской. Здесь такое! Здесь...

— Я знаю. Ты можешь выйти? — перебил он жену.

— Нет. Сюда везли всех: и взрослых, и детей. Во взрослой инфекции мест уже нет. Миша, они бегают по коридорам, нападают, везде кровь. Все мои коллеги уже ранены, мне кажется... они уже не живы после таких травм...

— Ты?

Миша почувствовал, как всё его нутро сжимается. Одна мысль, что Ира может быть ранена, заставила его мгновенно покрыться испариной, а горло сжало невидимой крепкой рукой.

— Со мной всё нормально, — прошептала Ира. — Но я не смогу выйти отсюда. Я думаю...

— Не выходи! Я сейчас еду! Третий этаж?

— Да. Жду. Береги себя.

Миша выключил телефон и сжимая телефон в руке, посмотрел на коллег. Двое мужчин и одна женщина недоумевающе посмотрели на Мишу, ожидая разъяснений.

— Нам нужно закрыть отделение, — решительно сказал Миша.

— Михаил Александрович, да что вы городите? — спросил коллега, сидевший у окна, Егор.

Миша посмотрел на его округлое лицо с наглой ухмылкой. Выдохнул, а затем стал бросать свои вещи в рюкзак. Он складывал повседневную одежду внутрь, и решил только сменить обувь, чтобы не передвигаться в медицинских тапках. Пока он собирался, он кратко рассказал, что видел в приёмной их больницы, и что ему рассказала Ира. Все трое смотрели на него, не веря ни единому слову. Егор, сидевший у окна, замотал головой и всё так же усмехаясь, спросил:

— Кому-то пора в отпуск?

Раздался звук входящих сообщений. Врач, чей муж писал ранее, улыбаясь взяла телефон в руки, и уставилась в экран. Спустя несколько секунд она изменилась в лице, читая пришедшие сообщения. Она, ничего не говоря, тут же вслед за Мишей вскочила, и не обращая внимание на мужчин в помещении, стала переодеваться, бросая одежду на пол. Растерянные коллеги даже не отвернулись, увидев коллегу в белье – её действия были совершенно неожиданными и ранее она так себя не вела.

— Ольга Владимировна? — к ней обратился врач с козлиной бородкой.

— Мы им не поможем, — Ольга отрезала. — Уже не поможем. Я иду к главврачу и говорю о необходимой эвакуации, но задерживаться здесь я не планирую.

— Но, это же...

Ольга Владимировна протянула врачу свой телефон, на котором было видео, откуда доносились крики и звуки борьбы.

— Смотрите, Аркадий, просто смотрите. Вы считаете, мы сможем здесь помочь? Нам надо спасать себя и свои семьи. Я должна ехать за ребёнком в сад. Мужу пришло сообщение от старшего сына, что во дворе кто-то напал на мальчишек. Просто...

Она не успела закончить монолог, как её речь была прервана криком. Миша приоткрыл дверь и выглянул. По коридору бежал охранник, едва переставляя свои ноги. Он держался рукой за бок, из которого текла кровь. Мужчина, сжимая свою рану, кричал во всю глотку:

— Эвакуация! Это не шутка, эвакуация!

Тут же раздалась сирена, оповещающая о необходимости покинуть палаты. Открылись двери, и в коридоры стали выглядывать заинтересованные лица детей. Никто не плакал, только старшие ребята перекрывали выход младшим.

— Дети, дети! — охранник стал зазывать ребят. — Не паникуйте! Нужно выйти на улицу, за вами уже едут. Помощь скоро будет...

Миша прикрыл дверь и обернулся. Аркадий, врач с козлиной бородкой, тоже принялся переодеваться, а последний доктор всё ещё не веря смотрел на них.

— Что там? — Ольга Владимировна одёрнула майку и схватила сумочку, готовая бежать.

Миша снова выглянул в коридор. Дети стояли всё так же в дверях, боясь поверить незнакомому дяде-охраннику. Только двое подростков вышли в коридор и пытались понять, что же всё-таки происходит.

Миша понял, что дети не сдвинуться с места. А ещё он не видел ни одной медсестры, никого, кого дети знали бы и могли довериться. Он быстро проверил свои вещи и надев рюкзак, решительно заявил:

— Детей нужно эвакуировать, пока не стало поздно.

И отодвинув свои планы спасти жену, он шагнул в коридор. Охранник оглянулся на него и выдохнув, запричитал:

— Слава Богу, здесь кто-то есть! Там, на первом этаже...

— Я знаю, — Миша поднял руку, призывая мужчину замолчать.

Затем он осмотрел вышедших детей и предвидя, надвигающуюся панику от пациентов, сжал кулаки, ища подходящие слова. Он пригладил свою бороду, готовясь заговорить. Но помощь пришла откуда не было ожидаемо: рядом с ним оказался коллега, тот самый, который ухмылялся и смеялся над словами Миши.

— Куда вести детей? — басом спросил Егор, обращаясь к охраннику.

Охранник махнул рукой в сторону эвакуационных лестниц.

— Первый этаж весь... — он не нашёл подходящего слова. — Там все ранены. И несколько этих... уродов.

Егор кивнул. Он обернулся к детям и громко, но без паники заговорил:

— Попрошу всех встать парами. Возьмитесь за руки и спокойно двигайтесь за кем-нибудь из нас, — и с этими словами он положил руку на плечо Миши. — Не бойтесь, не плачьте и не кричите.

Дети стали оглядываться друг на друга. Никто не решался первым выйти.

— Ну же, — поторопила детей Ольга Владимировна, оказавшаяся рядом с коллегами. — Скоро за вами приедут родители, но сюда она не смогут прийти.

Миша посмотрел на коллегу. Руки женщины дрожали, и она сцепила пальцы, надеясь унять тревогу. Миша понимал, что она спешит. Ей нужно было забрать своего ребёнка из детского сада, но сейчас эта женщина пыталась не поддаваться панике, надеясь, что о её ребёнке позаботится другой взрослый.

Двое подростков, стоящих рядом с охранником, взяли ситуацию под свой контроль. Один из них, парень шестнадцати лет, стал раздавать указания и ставить детей парами, а его друг

начал успокаивать малышей, которые всё же начали плакать. Эти двое подростков справились с тем, что не смогли сделать взрослые.

— Сколько детей в отделении? — спросил Егор.

Врачи переглянулись. Никто не знал, сколько прямо сейчас было в отделении детей. Но их отвлекла открывающаяся дверь — из палаты, где лежали совсем маленькие дети, вышли две медсестры. Одна из них, та, что была старше, держала на руках двух малышей. Следовавшая за ней молоденькая девушка, прижимала к себе ребёнка, посадив его на своё предплечье, а в другой руке сжимала стойку для инфузионных систем, заполненную флаконами и пакетами с лекарственными растворами.

— Даша, сколько детей в отделении? — спросил Егор, обращаясь к медсестре с двумя детьми на руках.

Она, проходя мимо него, устало ответила:

— Эти трое не смогут сами идти. Ещё девятнадцать человек могут сами спускаться по лестнице.

И в тот момент, как врачи решили пересчитать детей и спокойно эвакуироваться под вой стихающей сирены, в конце коридора раздался грохот. Миша, врачи и охранник посмотрели вдаль. Медсестры, выносящие детей, тоже оглянулись. Там, в стеклянные двери ударилось тело. Движения человека были резкими. Он мотал головой из стороны в стороны, и на стеклянные двери полетели капли крови и слюны. Человек ещё раз влетел в дверь, но она лишь немного поддалась.

Дети как замороженные смотрели на человека, который рвался к ним в коридор. Девочка пяти лет, с двумя хвостиками, тонким голосом спросила, чей папа ломает двери.

— Быстро, нужно идти, — шепнула Ольга Владимировна коллегам-мужчинам. — Без паники, чтобы дети не кричали.

После этого она подхватила близстоящего мальчика на руки и дав ему наказ обхватить её руками, двинулась по коридору дальше. Только сейчас Миша заметил, что она не стала переобуваться в каблуки и двигалась босиком, оставляя следы на линолеуме. Она обернулась, чтобы позвать детей за собой.

Процессия двинулась. Никто не шёл парами, как велели детям ранее. Они пошли гурьбой, цепляя друг друга за волосы и толкаясь руками. Дети воспринимали всё как игру, и только некоторые хныкали, от чего тут же получали обидные прозвища от сверстников, вроде «Плакса-вакса». Подростки, шедшие по бокам, следили, чтобы никто не выбивался из импровизированной толпы и не затерялся. Егор, словно стюард на авиалайнере, считал детей, а после, убедившись, что никто не задержался в палате, обернулся к Мише, Аркадию и охраннику.

— Ну, выйдем мы на улицу, а дальше что?

— За ними приедут, — охранник сел на пустое кресло постовой медсестры, сжимая свою рану. — Я успел связаться с полицией, они уже едут.

— Что с вами? — спросил Аркадий, присаживаясь на корточки.

Охранник отмахнулся от него.

— Я прибежал в приёмное отделение, когда всё началось. Не знаю как, но, когда вышел тот первый... Я даже не знаю, что это за болезнь у него, но на этого похож, — мужчина кивнул в сторону человека, бьющегося об двери. — Некоторые граждане в течении нескольких минут преобразились.

— Я пойду помогу Ольге, — сказал до этого молчавший Миша.

Он поправил рюкзак, и не прощаясь, побежал к эвакуационному выходу. Он отдалялся, но всё равно слышал голос охранника в опустевшем коридоре. Тот рассказывал, как его укусили, как он вернулся на пост, как люди покидали больницу, унося на руках своих детей... Охранник говорил, что связался с главврачом, что была вызвана подмога, что его напарник

подал сигнал тревоги. Он говорил, и говорил, и говорил, и Миша понимал – охранника впервые слушают. А ещё он слышал, как тает надежда в голосе человека.

Миша нагнал детей у лестницы. Оказалось, что Ольга, боявшаяся, что дети упадут и покалечатся, решила переносить детей по одному на каждый лестничный пролёт. Ей в этом помогали подростки и десятилетки. Миша приблизился к группе, и подхватив на руки девочку, спустил её на этаж ниже, где и поставил на ноги, наказав не уходить. Последнее, что он услышал из опустевшего коридора это звон разбившихся стеклянных ставок.

— Что это было? — спросила Ольга, обернувшись на шум.

— Идите, — пробубнил Миша. — Нужно идти быстрее.

— Вы слышали? — снова спросила Ольга.

Теперь она стояла внизу, принимая детей из рук подростков, которые помогали детям помладше спуститься по лестнице. Ольга посмотрела на Мишу, надеясь услышать честный ответ, но ответ не последовал. Вместо этого на лестнице стало шумнее: к ним выбрались Аркадий и Егор. Они захлопнули за собой двери, а после повернули щеколду.

— Быстро, валим! — крикнул кто-то из них.

Мужчины вклинились в толпу детей и подхватив самых медлительных побежали впереди.

— Не время возиться, Ольга! — сказал Егор. — Бери самого медленного и пулей вниз.

— Что? Что там? — женщина последовала приказу.

Подростки тоже не стали церемониться с малявками, следуя примеру врачей, а десятилетки, испугавшись, сами побежали вниз.

— Где охранник? — только и спросил Миша.

— Он укушен, — напомнил Егор, выглядывая вверх. — Он не пошёл. Сказал, задержит их.

— Их? — спросил Миша, следуя за ними.

— Да, их. Теперь их там трое.

И на этом разговоры прекратились.

Вскоре они все оказались на улице, где происходила полнейшая суматоха. У больницы уже тормозили машины, из которых выбегали перепуганные родители. Неподальёку было несколько полицейских машин. Воздух был наполнен криками и плачем, где-то внутри больницы раздавались выстрелы.

Миша обернулся на здание и заглянул в окна. Увиденное, казалось было ожидаемым, но всё равно повергло мужчину в ужас – люди, не сумевшие выбраться, сражались с нападающими. Где-то в окнах виднелись сотрудники правоохранительных органов, но их Миша видел не так много, всего несколько людей.

— Миш, — раздалось за спиной.

Миша обернулся и увидел перед собой Егора. Коллега держал за руку девочку, которая, пугаясь толпы, прижималась к знакомому ей врачу.

— Езжай за женой, — сказал Егор. — Дальше мы сами.

Спустя пятнадцать минут, Миша остановился напротив детской инфекционной больницы со стороны парковки и входа для персонала. Доехал он без особых трудностей – улицы опустели. Но проезжая мимо всех государственных зданий он видел скопления полицейских машин, карет скорой помощи и пожарных автомобилей. На подъезде больницы стояли разбитые машины, люди металась в панике, собирая в охапку своих больных детей. И посреди этого хаоса передвигались две фигуры – серые, в испачканной от слюней и крови одежде. Они мотали головами из стороны в сторону, переключаясь с одного источника шума на другой. Вся парковка гудела от криков и плача детей, точно так же, как и пятнадцать минут назад у

областной больницы. Две серые фигуры пытались поймать кого-то из пробежавших мимо, но у них получалось лишь царапать кожу и рвать одежду бежавших людей.

Миша бросил машину и побежал к знакомому входу. Препятствий для того, чтобы попасть внутрь не возникло. Он бежал по лестнице для персонала вверх, в то время как медперсонал спускался вниз, покидая здание. Поднявшись на третий этаж и открыв дверь в коридор, Миша увидел картину хуже, чем в своей больнице: по коридорам бегали раненные люди, дети сидели на полу и кричали, кто-то пытался руководить эвакуацией раненых, но вскоре присоединялся сам к их числу. Кто-то уже был не в себе... Миша прорывался сквозь толпу в сторону ординаторской, где он был уже несколько раз, когда приходил к Ире на работу. Проходя мимо изменившихся людей, он интуитивно замедлялся и задерживал дыхание – чтобы те не обратили на него внимания в общей суматохе.

Мужчина постучал в дверь. За ней послышалась возня и звук отодвигаемого стола. Потом дверь открылась на пару сантиметров, и Миша увидел Иру: девушка уже переоделась в своё летнее платье и босоножки, за спиной у неё висел маленький рюкзак, русые волосы были связаны в хвост сзади, обнажая хрупкие плечи, а большие карие глаза внимательно смотрели на Мишу. Увидев его, Ира открыла дверь, и они вцепились друг в друга, прижимаясь телами. Миша вдохнул запах волос любимой и почувствовал, как сердце успокаивается. Она была жива, она была не ранена и теперь они были рядом.

Обменявшись объятием, пара взялась за руки, и они пошли обратно к служебной лестнице. Кроме этой лестницы был еще официальный проход, но сейчас он был забит людьми. Миша осматривал людей, понимая, что многим уже не помочь. Детей становилось всё меньше: на его глазах женщина с рваной раной на руке схватила сидевшего на полу малыша, понесла его на выход. Изменившиеся люди, которые нападали на других, лишь проводили её взглядом, но не стали нападать.

Когда Миша и Ира уже приближались к лестнице, путь им преградил один из изменившихся людей. Это был врач скорой помощи, но он уже никому не мог помочь. Изменившийся захрипел и шагнул в сторону пары. Миша закрыл собой Иру и попятился назад. Но ещё несколько секунд, и мужчина напал на Мишу, повалив его на пол. В нос ударил запах испортившегося мяса. Мише хватило сил, чтобы держать его на расстоянии и не допускать укуса. Ему казалось, что борьба длится уже несколько минут, но на самом деле прошло секунд тридцать, а он уже начал терять силы. Миша оглянулся по сторонам, но на полу не было ничего, чем он мог бы защититься. А если бы и было, то взять в руки предмет он не мог бы. Мише едва хватало сил, чтобы удерживать мутанта на себе, не подпуская к своему лицу клацающую челюсть.

Но внезапно, раздался противный хруст, и мутант заскулил. Миша только успел интуитивно отвернуться, как почувствовал, как на его щеку и шею попала кровь. Тело мутанта обмякло, и Миша смог его скинуть с себя. После этого Миша встал на ноги и посмотрел на Иру. Она стояла, тяжело дыша. Её взгляд оглядывал мужа, а руки были сжаты в кулаки. Миша посмотрел на мутанта: тот лежал на земле, а из уха у него торчала ручка. Мутант уже стал подниматься на ноги, воя от боли. Пластиковый корпус в ушной раковине совсем ему не мешал, а то, что он упустил свою добычу – было лишь досадной случайностью для мутанта.

Миша ошоломленно смотрел на происходящее. Он точно видел, что существу было больно в момент удара, но сейчас тот уже оглядывался по сторонам, прицеливаясь на мельтешащих людей.

Ира первой догадалась. Она приложила ладонь к губам Миши, и взглядом ему показала, что нужно спускаться. Они оба стали пятиться маленькими шагами, и вскоре смешались с толпой. Спускаясь по лестнице, Миша отметил про себя, что в этой больнице было больше беспорядка и паники. Люди не смогли эвакуироваться группами, каждый спасал сам себя или своих близких, от чего и начался беспорядок. Он хотел спросить Иру, как так получилось, что

она оказалась одна в ординаторской, но только он попытался задать вопрос, как Ира тут же шикнула и поднесла палец к губам.

Через несколько минут они уже оказались в машине и ехали домой. По пути им позвонил Паша.

— Ты на громкой связи. Говори, — Миша был занят дорогой и слышал, что Паша тоже за рулём.

Миша провёл рукой по щеке, бороде, шее и после этого посмотрел на свою ладонь — на коже осталась кровь мутанта.

— Что-то происходит, — бросил Паша.

— Даже поучаствовали, — Ира взяла телефон из рук Миши и поднесла к губам, — у нас тут такое произошло...

— У нас на работе тоже, — перебил её Паша. — А сейчас я еду от родителей. Они такие же теперь. Значит так, собирайте вещи. Я заеду за вами и поедем к Женьке за город. Оттуда будем решать, что дальше делать.

— Договорились, — быстро согласился Миша, выворачивая с перекрёстка на улицу. — Ты звони Роме.

— Ладно.

Миша был рад звонку друга. В конце концов, в их компании Паша быстрее всех соображал, а если с ними будет рассудительный Женья, то они точно не пропадут.